

Бернард Лоу Монтгомери

Краткая история военных сражений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607275

*М.Б. Лоу. Краткая история военных сражений: Центрполиграф; Москва; 2004
ISBN 5-9524-1117-7*

Аннотация

Эта книга – увлекательный экскурс в мир величайших исторических сражений и хитроумных военных методик. Автор дает ответы на самые разные вопросы. Почему происходят войны? Является ли война следствием присущей человеку жестокости, или же она вечный арбитр? В книге описаны важнейшие военные события человечества, начиная с греко-персидских войн Античности, походов Цезаря, падения Рима, завоевания крестоносцев и заканчивая Второй мировой войной.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	39
Глава 5	51
Глава 6	59
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Монтгомери Бернارد Лоу

Краткая история военных сражений

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написал эту книгу не для того, чтобы прославлять войну. Моей целью было высветить проявление человеческих усилий в военное время – как в бою, так и на внутреннем фронте. Ставить во главу угла человеческий фактор, всячески избегать ненужных страданий и людских потерь действительно необходимо, и это должно быть решающим аргументом для государственных руководителей при определении политических целей войны, а в дальнейшем отдачи указаний военачальникам по всем другим относящимся к делу вопросам. Руководством для них могли бы послужить два стиха из Нового Завета (1 Кор., 14):

«8. И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?

9. Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите?»

Генерал должен не только стремиться выигрывать войны, но и стараться по возможности их предотвращать. Несколько лет назад Уинстон Черчилль сказал: «Мир – это последний трофей, который я хочу завоевать». Никто лучше солдата не знает огромной цены этого трофея, потому что никто лучше солдата не знаком с чудовищем по имени Война.

За свою жизнь я был свидетелем множества сражений во время крупных военных конфликтов, не завершившихся прочным и длительным миром, ради которого мы воевали. Но в этом мире политических реалий и так называемого мира, в котором мы живем, меня не гнетет отчаяние. Мой взгляд с надеждой устремлен вперед и вовне. В таком духе я и предлагаю эту книгу читателям, посвящая ее моим товарищам по оружию, вместе с которыми воевал на полях сражений в Африке и Европе, – многие из них отдали жизнь, для того чтобы мы, оставшиеся жить, могли обрести ту свободу на Западе, за которую мы все сражались.

Писавшему о Пелопоннесской войне Фукидиду приписывают слова: «Если кто-либо скажет, что написанное мною принесет пользу, я буду удовлетворен».

Именно это хотели бы сказать я и моя исследовательская группа.

Монтгомери Аламейнский,

фельдмаршал

Ислингтон-Милл, Олтон,

Гемпшир

Глава 1 ПРИРОДА ВОЙНЫ

Война – забота не только солдат. Военные действия всегда отражались на гражданской жизни, поэтому их история заслуживает всеобщего изучения. В данной работе я постарался сделать упор на стратегию и тактику, командование и вооружение. При освещении более общих исторических факторов затронуты также научные, технические, социальные, экономические и политические моменты истории, которые отражались на военных действиях. Надеюсь, что читателя увлечет это захватывающее повествование.

Человеческий прогресс во всех областях, будь то во благо или во зло, по существу находился под действием вооруженных конфликтов – ход войны, ее приговор вновь и вновь определяли ход истории. Невозможно изучать историю военного дела таким образом, будто война происходила в вакууме. Только один пример – по мнению некоторых историков, начало широкому развитию металлургии и металлообработки в известной мере положил спрос на артиллерийские орудия (правда, должен признать, что, по утверждению других, причиной стала потребность в церковных колоколах).

Почему происходят войны? Некоторые скажут, что война – это порождение цивилизации, другие – что война – следствие присущей человеку жестокости. Однако война всегда служила арбитром, когда другие средства достичь соглашения оказывались безрезультатными.

У кочевых народов, таких, как мадьяры, перемещения главным образом определялись поисками хороших пастбищных земель, а причинами войны были виды на легкую добычу. Греко-персидские войны велись ради спасения Греции, а посему и Европы от азиатского деспотизма. Римская империя была создана военным путем, войны же способствовали ее падению; то же справедливо и в отношении Германской империи, созданной Бисмарком. Было время, когда одной из значительных причин международных ссор становилась религия. Обладание колониями принесло колониальным державам Западной Европы богатство, полученное вооруженной силой, и именно торговое соперничество позднее толкнуло страны к конфликту.

На этом этапе было бы полезно сформулировать некоторые определения. Война – это любой продолжительный конфликт между соперничающими политическими группами, разрешаемый силой оружия. Сюда относятся восстания и гражданские войны, но не включаются бунты и акты индивидуального насилия. Стратегический план – это координирование и направление всех ресурсов страны или группы стран для достижения конечной политической цели, определяемой основной политикой. *Подлинной целью стратегического плана должен быть длительный прочный мир.* Стратегия – это искусство распределения и применения военных средств, таких, как вооруженные силы и ресурсы, для осуществления целей политики. Стратегическая подготовка кампании или сражения имеет огромное значение. Какова была цель? Чего пытался достичь командующий? Стратегически конечная цель может быть весьма желательной, но стратегически желательное должно быть тактически возможным благодаря наличию сил и средств. Тактика означает расстановку и управление военными силами и техникой в ходе сражения.

На протяжении истории отдельные факторы военного дела оставались неизменными. С самых ранних времен существовали проблемы передвижения и огневой мощи: каждая из сторон старалась иметь возможность беспрепятственно перемещать свои силы и препятствовать в этом противнику. В известной мере мобильность, огневая мощь и боевое обеспечение находятся в противоречии. Развитие бронированных боевых средств передвижения,

господствующих на все более расширяющихся фронтах, и параллельное развитие радиосвязи, позволяющее осуществлять управление на ранее немислимых расстояниях, – лишь последние формы одного из основных средств ведения войны.

С очень древних времен решающее влияние на ход военных действий имела военноморская мощь. Во время войн с персами афиняне поняли, что противника им не разбить, пока персидский флот может переправлять через Эгейское море людей и боеприпасы и высаживать их в любом месте греческого побережья. Приложив величайшие усилия, Афины нарастили собственную военноморскую мощь и в 480 г. до н. э. разбили персов в морской битве при Саламине. Год спустя Персидская кампания была завершена. Потом Греция господствовала в восточном Средиземноморье, вступив в период торгового процветания и создав великую цивилизацию. Подобным же образом Рим, столкнувшись в Северной Африке с купеческим государством Карфаген, чей флот контролировал западное Средиземноморье, обнаружил, что, прежде чем одолеть его, необходимо стать военноморской державой.

И лишь потому, что Англия разбила французский и испанский флоты при Трафальгаре, вторжение в Англию стало невозможным, а в 1808 г. английская армия смогла высадиться в Португалии. Спустя несколько лет Англия разбила Наполеона, который обладал большей военной мощью, но был ограничен сухопутной стратегией. Морская мощь имела такое же важное значение и в более близкой истории. Поскольку союзники были хозяевами на море, удалось выиграть сражение при Эль-Аламейне. Если бы они не смогли сосредоточить свои силы и ресурсы скорее Роммеля, баталия была бы проиграна, а как следствие, потерял Египет, Суэцкий канал и весь Ближний Восток. Урок состоит в следующем: на протяжении всей истории страна, контролировавшая моря, в конечном счете одерживала победу.

Глубокое воздействие на характер войны как на суше, так и на море оказали военновоздушные силы, когда полностью раскрылся их потенциал. В 1941-м и 1942 гг. японцы в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане показали, что можно предпринять при наличии превосходства на море и в воздухе. 7 декабря 1941 г. в Перл-Харборе они продемонстрировали потрясающую ударную мощь базирующейся на авианосцах оперативной группы, подняв в воздух более 300 самолетов, потопивших большую часть линейных кораблей Тихоокеанского флота США. В 1942 г. между американскими и японскими военноморскими силами было два сражения, которые отчетливо показали господствующую роль военновоздушных сил в современных морских войнах. Первое произошло в Коралловом море 4 – 8 мая, когда флот США сорвал десантную операцию японцев против Порт-Морсби и устранил угрозу Австралии. Второе состоялось у острова Мидуэй 3 – 6 июня. Два этих морских сражения послужили поворотным моментом в войне с Японией. Действия в Коралловом море характерны тем, что они были первым морским сражением, в котором боевые корабли противников постоянно находились вне видимости друг друга – стороны ни разу не обменялись прямыми выстрелами.

В войне на суше появление самолета позволило командующим видеть «другую сторону горы». По мере роста и развития военновоздушные силы получили возможность в значительной мере усложнить, если не предотвратить, передвижение войск в дневное время, так что, прежде чем начать бой, стало необходимо добиться господства в воздухе. Мощное вооружение военновоздушных сил давало возможность армиям выигрывать сражения быстрее, чем раньше, и с меньшими потерями. Воздушные бомбардировки также могли переносить войну в глубину территории противника, причиняя тяжелые потери гражданскому населению и огромный ущерб имуществу на внутреннем фронте и подрывая военные усилия атакуемой таким образом страны.

Военное искусство – тема, которая красной нитью пройдет через всю книгу. Величайшую важность для военного дела имеет полководческое искусство. Военачальник должен обладать способностью принимать правильные решения и волею выполнять эти решения.

Командующий должен знать, что он хочет, отчетливо представлять конечную цель и стараться ее достичь, довести до подчиненных основные положения своей стратегии. Он должен на деле обеспечивать твердое, не вызывающее сомнений руководство. Необходимо, чтобы он создавал то, что я назвал бы «атмосферой», и чтобы в этой атмосфере жили и действовали его штаб и подчиненные командиры. Талант Нельсона, например, в значительной мере проявлялся в способности создать такую атмосферу. Командующий должен отличаться напористостью, стремлением доводить дело до конца, он должен обладать твердым характером и умением внушать уверенность своим подчиненным. И превыше всего он должен обладать такой силой духа, такой решимостью, которые позволят ему оставаться непоколебимым в момент, когда исход сражения висит на волоске. В сражении заранее известно лишь одно – что результат неопределен. Поэтому одно из ценнейших качеств командира – способность внушать веру в план операции, даже (и может быть, особенно) тогда, когда он сам не уверен в ее исходе. Для того чтобы достичь этого в глазах всех военнослужащих, находящихся в его подчинении, главнокомандующий должен внимательно следить за собственным моральным состоянием. Сражение по существу есть борьба двух характеров – собственного и командующего противной стороны. Если кому-либо начнет отказывать мужество, когда исход боя висит на волоске, противник, вероятно, победит.

Думаю, что генералов можно разделить на две группы. Чтобы показать различие, я воспользуюсь двумя очень выразительными французскими определениями. *Le bon general ordinaire* (просто хороший генерал) – это генерал, который хорош, пока его старший начальник подробно объясняет ему, что делать, стоит над ним и опекает его, следит, чтобы тот делал так, как ему приказывают. *Le grand chef* (Полководец с большой буквы) – это тот, кому достаточно общих установок относительно намечаемых операций, ему не требуется подробных указаний, он знает, как поступить, и ему можно доверить действовать самостоятельно. Такие встречаются крайне редко. По мере того как будем проследивать действия командующих в разные исторические времена, получим возможность решить, к какой группе тот или иной принадлежит.

Но о генералах можно судить только по выполнению их профессиональных обязанностей, причем исключительно с военной точки зрения. Некоторые кампании и сражения предпринимались исключительно по политическим соображениям и стали пагубными для репутации многих воинов.

Командующий никогда не должен недооценивать разведку и секретную службу. Полибий писал, что генерал должен «посвятить себя изучению склонностей и характера своего противника», а около двух тысяч лет спустя начальник прусского генерального штаба Мольтке говорил своим офицерам: «Обычно вы находите, что у противника имеется три варианта действий, он же непременно применит четвертый». Хороший военачальник должен влиять на происходящие вокруг события; как только они возьмут над ним верх, он потеряет доверие подчиненных, а когда это случится, его перестанут ценить как руководителя. Поэтому ему нужно предвидеть реакцию противника на свои шаги и быстро принимать меры, предупреждающие вмешательство противника в его планы. По этим соображениям непременно должна существовать первоклассная разведывательная служба, и возглавлять ее должен офицер блестящих интеллектуальных способностей, не обязательно имеющий профессиональную военную подготовку. Он должен очень четко мыслить, уметь выделять главное из массы несущественных факторов, имеющих отношение ко всему, что касается неприятеля. Органы военной разведки должны быть тесно связаны с секретной службой.

Во всей деятельности секретной службы операции разведчиков, диверсантов и тайных агентов рассматриваются как находящиеся вне рамок закона. Тем не менее история свидетельствует, что ни одна страна не станет избегать такой деятельности, если она соответствует ее жизненным интересам.

Во время войны с Гитлером я всегда держал в своем обозе рисунок или фотографию своего противника. В пустыне и Нормандии им был Роммель. Я разглядывал его лицо, стараясь представить его реакцию на предпринимаемые мною действия. Каким-то странным образом это помогало. Должен признать, что не знаю ни одного другого главнокомандующего – за исключением Слива, – кто придерживался бы такой практики! Хотя командующему в любое время крайне необходимо пытаться понять замысел противника. Любое сражение может очень скоро отклониться от намеченного плана. Если это произойдет, инициатива вполне может перейти к неприятелю. Если за свою долгую военную карьеру я усвоил один урок, так это то, что, не удерживая инициативы, невозможно победить.

Хотя такие факторы, как командование и управление, играют большую роль в победоносном исходе сражения, важнее всего моральное состояние бойца. Лучше всего поднимает боевой дух выигранное сражение.

Материал, с которым приходится иметь дело генералу, – солдаты. *Сражения прежде всего выигрываются в сердцах людей.* Армия – это не просто совокупность отдельных лиц и какого-либо количества танков и орудий. Реальная мощь армии превосходит, и намного превосходит, сумму всех ее составляющих. Эту дополнительную мощь обеспечивают моральное состояние, боевой дух, взаимное доверие руководителей и подчиненных (и особенно полевых командиров и высшего командования) и многие другие неосязаемые духовные качества. В людях кроются огромные эмоциональные силы, которым надо умело дать выход, чтобы зажигались сердца и включалось воображение. Относясь к людям холодно, без души, командир мало чего добьется. Но если он сможет завоевать доверие людей и те почувствуют, что их насущные интересы в его надежных руках, то получит бесценное достояние и сможет достичь блестящих успехов.

Генералам положено выигрывать сражения, но хороший генерал будет добиваться этого с минимально возможными человеческими потерями. На протяжении Средних веков в западном мире человеческая жизнь ценилась низко – крепостным в бою не дорожили. В XIV в. по Европе прокатились страшнейшие эпидемии, известные как «черная смерть», людские ресурсы оскудели, экономическая ценность крепостного возросла, и его жизнь понадобилось оберегать. В наше время, когда страна вступает в войну, ряды ее вооруженных сил пополняются гражданскими лицами, не являющимися профессиональными солдатами, моряками или летчиками – да и никогда не желавшими ими быть. Такие люди в значительной степени отличаются от крепостных или наемников прошлого, они образованны, способны действовать обдуманно, давать оценки и готовы критиковать. Они хотят знать, что происходит и чего ждет от них генерал, почему и когда. Им также нужно знать, что при всем при том их насущные интересы будут абсолютно надежно защищены генеральской рукой. И конечно, они хотят его видеть и решать для себя, что он за человек.

Решающее значение имеют дисциплина и товарищеские отношения. Почему солдат покидает укрытие окопа или щели и идет вперед навстречу пулям и снарядам? Потому что впереди командир, а кругом товарищи. Товарищество разогревает человека, вливает в него отвагу, тогда как все его инстинкты толкают к безучастности и страху. Человеческий аспект, к сожалению, часто игнорировали историки. Я буду часто обращаться к нему на протяжении всей книги, не пытаясь искать оправдания, потому что в этом заключается суть всего дела. Усталость, страх, ужасные условия, лишения, постоянная вероятность получить ранение и возможность погибнуть – все это вынесет боец, если сердце полно отваги, если он знает, за

что сражается, уверен в своих офицерах и товарищах и знает, что от него никогда не требуют невыполнимого.

Современная война является *тотальной*, за столетия она очень усложнилась и теперь затрагивает моральное состояние всего населения. Во времена рекрутов и наемников в сражениях и военных кампаниях страны принимало участие сравнительно мало людей. Но сегодня все людские ресурсы, включая и женщин, вся промышленная мощь мобилизуется для ведения войны. К тому же призван ли человек на военную службу или занят в промышленности, он подвергается опасности, где бы ни находился. Мастерство командующего – это и наука, и искусство управления войсками. Наука, потому что офицеры должны изучать его теоретически; искусство, потому что эту теорию затем следует применять на практике. И что важнее всего, оно предполагает глубочайшее понимание человеческой души. Мао Цзэдун, незаурядный полководец («Избранные военные произведения»), писал:

«Все законы войны и военные теории, которые служат своего рода нормами, представляют собой опыт прошлых войн, обобщенный людьми в прежние дни или в наше время. Нам следует серьезно изучать эти оплаченные кровью уроки, которые являются наследием прошлых войн. Это первый момент. Но есть и другой. Следует испытать эти условия на собственном опыте, усваивая полезное, отвергая бесполезное и добавляя свое собственное».

Нужны и учеба, и практика. Первая всегда возможна, и пренебрежению ею нет оправданий, возможность второй появляется не часто.

Мой собственный круг чтения и изучения военной истории был обширным, но ограничивался главным образом работами английских историков, написанных в мое время. Я предпринимал попытки читать труды Клаузевица и Жомини, но не мог в них разобраться и решил, что узнаю больше, если обращусь к более современным историкам, особенно если изучу жизнеописания великих военачальников прошлого, дабы познать их мысли и действия, уяснить, как они использовали имеющиеся в их распоряжении военные средства. Знание подробностей боевых порядков той или иной армии в разные времена было для меня несущественным, мне хотелось знать о существенно важных проблемах, которые вставали перед генералом в определенный момент сражения, какие факторы влияли на его решение, каким было решение – и почему. Мне хотелось докопаться, что было в голове великого полководца, когда он принимал важное решение. Именно так надо было постигать военное искусство.

Из военных историков моей страны, моего языка и моего времени несомненно самым лучшим я нахожу сэра Бэзила Лидделла Гарта, меня всегда привлекали его военные концепции, и они оказали влияние на мою командную деятельность в ходе войны. Некоторые историки умны задним числом, Лидделл Гарт мудр в суждениях о предстоящих событиях – наконец-то пророку воздается должное в своем отечестве. Он превосходит других не только как историк, но и как теоретик. Опираясь на обширные знания, он сформулировал основные принципы войны и, в отличие от многих теоретиков, в основном оказался прав в своих взглядах.

Великие полководцы всегда серьезно относились к изучению военной истории. Т.Э. Лоуренс справедливо замечал, что у нас позади двухтысячелетний опыт, и если все еще приходится воевать, то нет никаких оправданий тому, чтобы не воевать хорошо. Мое многолетнее чтение убедило меня, что нельзя стать непревзойденным мастером ведения войны, не постигнув ее науки. Ведение войны – это учеба у жизни, и, если ею пренебрегать, никакой генерал не может рассчитывать на успех. Разумеется, также важны и природные качества:

способность быстро принимать решения, здравый смысл, смелость в нужный момент, твердость.

Генералу приходится создавать военный механизм и выбирать боевые средства по собственному усмотрению. Это предполагает глубокое знание законов ведения войны и организации военной подготовки. Он также должен создать в рамках штаба структуру, которая позволит правильно распоряжаться боевыми средствами. На суровом опыте я очень скоро убедился, что служба тыла должна быть соразмерной тому, чего я хотел добиться на передовой. Военный механизм, чтобы мог быстро достичь максимальной мощи, должен быть своевременно приведен в движение. Войска должны вступить в бой таким путем, который обещает наилучшие виды на успех, – и солдаты должны это знать. «Режиссура» сражения должна быть первоклассной. Главная обязанность генерала заключается в том, чтобы организовать боевую подготовку не только к предстоящей кампании, но и к любым конкретным сражениям в ходе этой кампании. Боец должен быть уверен в своем оружии, в том, что сможет успешно пользоваться им в любой обстановке, в любой местности и в любом климате. Такая уверенность может быть получена лишь благодаря напряженной боевой подготовке, которая, если результативна, поднимает боевой дух.

Сущность тактики ведения боя сводится к следующим факторам: внезапность, сосредоточение сил, взаимодействие всех видов оружия, управление боем, простота, быстрота действий, инициатива.

Командующий должен обладать чрезвычайно ясным мышлением, быть способным выделять существенное из массы мелких факторов, возникающих при решении любой проблемы. Определив существо стоящей перед ним проблемы, он ни на минуту не должен терять ее из виду – не позволять главному, ведущему к успеху, утонуть в массе мелких деталей. Умение упрощать не искажая, отбирать из массы подробностей важное, и только важное – не всегда легкое дело. Генерал должен видеть важные детали, не теряя из виду общей картины. Не обладая в любое время абсолютно ясным и дисциплинированным умом, он скорее потерпит неудачу, этим подразумевается необходимость умеренности, особенно в употреблении спиртного.

План операции должен вырабатывать командующий. Нельзя, чтобы он был навязан штабом или обстоятельствами, и ни в коем случае – противником. В большинстве случаев противник бывает на высоте, если ему позволяют навязать ход боя, и он не так силен, если путем маневра вывести его из равновесия или вынудить отвечать на ваши маневры и удары. Существенно важным является фактор внезапности. В стратегии достичь внезапности зачастую бывает трудно, а то и просто невозможно, но вот тактическая внезапность всегда существует и должна занимать важнейшее место в планировании. Противника нужно постоянно заставлять плясать под вашу дудку. Это означает, что командующий должен предвидеть ход сражения, еще до начала сражения решить для себя, как должны развиваться действия, затем направить все усилия к тому, чтобы повернуть сражение в желаемом направлении. Моя собственная военная доктрина основывалась на выведении противника из равновесия при сохранении прочного равновесия у себя. Я всегда планировал заставить противника ввести резервы на широком фронте, дабы заткнуть дыры в обороне. Вынудив его пойти на это, я всегда вводил свои резервы для нанесения мощного удара на узком фронте. Введя в бой резервы, всегда стремился тут же создать свежие резервы. В ходе сражения противник попытается контрударами вывести тебя из равновесия. Этого ни в коем случае нельзя допустить. На протяжении всего поля битвы силы должны быть так уравновешены и готовы для броска, а их дислокация настолько надежной, что удары противника ни за что не навяжут вам его волю. Одним из критериев военного искусства является умение сгруппировать силы перед сражением и перегруппировать по мере развития тактической обстановки. Чтобы быть в состоянии предупредить реакцию противника на свои шаги и не дать ему помешать осуществле-

нию своих планов, генерал должен постигать образ мыслей своего оппонента. Нельзя терять завоеванную инициативу, только в этом случае можно заставить противника плясать под твою дудку. В ходе кампании командующий должен продумывать на два сражения вперед – одно, которое он планирует в данный момент, и еще следующее. В таком случае он может использовать успех первого как трамплин для второго.

Хотя оперативные задачи будут оставаться главными заботами генерала, он никогда не должен забывать, что сырьем для его ремесла являются люди и что военное искусство основано на человеческом факторе. В моменты боя солдат может почувствовать себя страшно одиноким. На ранних этапах войны 1914 – 1918 гг. я, будучи молодым командиром взвода, во время ночного патрулирования в нейтральной полосе несколько раз оказывался отрезанным от своих солдат. Одному под боком у противника мне было страшно – это мое первое впечатление от войны. В те дни я осознал, как важно для солдата чувствовать, что за ним командиры нескольких ступеней, которые думают о нем, заботятся. Генерал, который печется о своих солдатах и бережет их жизни, выигрывает сражения с минимальными людскими потерями, будет пользоваться их доверием. За удачливым генералом пойдут все солдаты. Поэтому генералу надо уметь «донести себя» до своего войска. В войну 1939 – 1945 гг. лично я старался по возможности чаще беседовать с бойцами. Иногда я выступал перед большим количеством людей с капота джипа, а порой беседовал с несколькими солдатами на обочине дороги или в орудийном окопе. Обращался к ним и с письменными посланиями, на важных этапах кампании или перед сражением. Такие беседы и послания укрепляли волю к победе, способствовали сплочению армии в уверенное в победе единое боевое целое. В войне 1914 – 1918 гг. сэр Дуглас Хейг, кажется, ни разу не обратился к солдатам. Он производил смотр войск в полном молчании. Рассказывают, что один офицер его штаба высказал мнение, что, если бы командующий изредка останавливался поговорить с солдатами, это оставило бы хорошее впечатление. Он последовал совету и спросил одного солдата: «Где вы начали войну?» Изумленный солдат ответил: «Я эту войну не начинал, сэр, по-моему, это кайзер». Полагаю, что после такой встречи Хейг оставил эту затею. И тем не менее, в руководстве людьми выше всего ставится живое слово.

Генерал не должен скупиться на похвалы, если подчиненные того заслуживают. Хорошо поработавшие люди любят, когда их похвалят. Сэр Уинстон Черчилль однажды рассказал мне об ответе герцога Веллингтонского. Когда в последние годы жизни один из его друзей спросил: «Если бы тебе пришлось прожить жизнь заново, есть ли что-нибудь, в чем ты поступил бы лучше?», престарелый герцог ответил: «Да, я был бы щедрее на похвалы».

Из своего опыта я усвоил, что командующему требуются стойкость, способность выдерживать удары войны – которые обязательно будут, так же как за ночью обязательно последует рассвет. Пожалуй, для этого качества есть слово получше – *прочность*. Я упоминал об ощущении одиночества в бытность молодым командиром взвода. И высокий командный пост отмечен одиночеством. На главнокомандующем лежат огромные обязанности, которые он не может переложить на свой штаб или на подчиненных. Решать все равно ему, ему отвечать и за успех или провал операции, и за жизни своих солдат. Эта сторона дела особенно сказывается при неблагоприятных обстоятельствах, но она присутствует постоянно и является серьезным испытанием для командующего. Когда обстоятельства складываются не совсем так, как планировалось, все взоры обращены к главнокомандующему, в поисках уверенности, стойкости, ожидания выхода. В таких неблагоприятных условиях, когда дела могут складываться не слишком хорошо, командующий, кроме руководства своими армиями, должен научиться руководить *собой* – что не всегда просто. В Гражданскую войну в Америке Ли, хотя и проиграл, сохранил преданность своей армии.

До тех пор пока политические лидеры не найдут какого-нибудь разумного способа улаживать международные конфликты, война останется с нами. Когда страна решает прибег-

нуть к вооруженной силе для достижения политических целей, ответственность за развязывание войны в конечном счете находится в руках политиков. Военачальникам будет трудно, если не невозможно, способствовать успеху правительства, которое проявляет нерешительность, лишено мужества и проницательности. Чрезвычайно важно четко определить политические цели и стратегию. Тогда дело переходит в руки генералов – им требуется максимальная поддержка. Талейрану приписывают слова: «Война – слишком серьезная вещь, чтобы оставлять ее в руках военных». Их приводил Бриан Ллойд Джорджу во время войны 1914 – 1918 гг., и, разумеется, они весьма справедливы. В равной степени можно было бы сказать, что война – слишком серьезная вещь, чтобы оставлять ее в руках политиков. Истина же в том, что в современной войне жизненно важное значение имеет самое тесное сотрудничество тех и других.

В большой войне противники могут располагать примерно равными материальными ресурсами; в этом случае победа будет на той стороне, где лучше боевая подготовка, талантливее руководство и выше боевой дух. Каким бы опытным ни был генерал, когда, как бывает в каждом сражении с решительным противником, наступает момент, когда победа висит на волоске, власть в конечном счете переходит из его рук непосредственно к солдатам. Победа будет зависеть от их храбрости, боевой подготовки, дисциплины, нежелания признать поражение, от их стойкости и упорства. Во время долгого похода от Эль-Аламейна до Берлина в войну 1939 – 1945 гг. я повесил в своем фургоне следующую цитату из шекспировского «Генриха V»: «О бог сражений! Закали сердца моих солдат». Я надеюсь, что, по мере того как будет разворачиваться наше исследование, читатель признает справедливость сказанного мною. Многие из сражений, которые мы рассмотрим, в конечном счете выиграли солдаты и матросы. Планируя сражение, генерал сталкивается с боевой обстановкой, окутанной плотным туманом, но, если план разумный, солдаты рассеют этот туман.

Изучение истории военных сражений не только проиллюстрирует развитие военного искусства, но и покажет единообразие его основных концепций. Те же самые принципы ведения войны, которых придерживались в прошлом, снова и снова возникают на протяжении истории, только в иных обстоятельствах. Хотя вооружения стали более мощными, а возникающие на полях сражений проблемы более сложными и запутанными, военное искусство в своей основе сегодня остается таким же, как в древние времена.

Я закончу эти размышления соображением, которое станет понятным по мере чтения исторических глав. Фельдмаршал Уэйвелл как-то рассказал мне, что спартанцы, будучи на вершине военной славы, послали депутацию к дельфийскому оракулу и довольно заносчиво потребовали ответа на вопрос: «Может ли что-либо причинить вред Спарте?» Тут же последовал ответ: «Да, роскошь».

Я бывал на месте этого до некоторой степени наводящего на тревожные мысли интервью. Каким верным был ответ! Вся наша работа свидетельствует, что история страны – это продолжающееся из века в век сражение: каждый шаг вперед должен быть завоеван, каждую отвоеванную позицию нужно удерживать. На войне противник ясен. В мирное время страна сталкивается с менее заметным, но не менее коварным врагом: внутренней слабостью, которая сама по себе приводила к падению великих держав. Если нужен пример из современной истории, так это Франция. В годы накануне войны 1939 – 1945 гг. такая слабость поразила ее душу, крушение наступило в 1940 г. Душу ей вернул в 1958 г. генерал де Голль, и она вновь восстала из пепла, как птица Феникс.

Я, естественно, лучше знаю свой народ, британцев. Мы много лет не переживали полного поражения, свобода у нас в крови, и она придает нам стойкость и необычайную силу. С такими людьми, как шотландец из Глазго, парень из Ланкашира, лондонский кокни, можно совершить все. Однако опасность внутреннего расслабления присутствует всегда, и ее должно держать в узде. Оракул был прав: если чрезмерная роскошь одолевает мужское насе-

ление страны, если утрачен боевой дух, страну, возможно, ждет конец. Очень давно Фрэнсис Бэкон написал: «Обнесенные стенами города, арсеналы и склады оружия, породистые кони, военные колесницы, слоны, артиллерия и прочее – все это – лишь овца в львиной шкуре, если люди не полны отваги и воинственного пыла». Изучение истории военных сражений подтверждает абсолютную правоту данного заявления.

Глава 2

ВОЙНА В ДРЕВНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА

Война была постоянной чертой человеческих отношений со времен самых ранних сообществ, о которых сохранились свидетельства. В 7000 г. до н. э. Иерихон был надежно обнесен стеной высотой 21 фут, из 2500 жителей 600, видимо, были бойцами, вооруженными луками и стрелами. Однако военное искусство несомненно зародилось задолго до этого времени. В таком случае как впервые возникли войны?

Война – самая существенная часть истории, потому что имеет отношение к основным жизненным потребностям людей. Пища и надежный кров были двумя необходимыми условиями жизни первобытного человека – как и для нас. Но этих вещей, которые нужны человеку, как и много другого – женщин, богатства и власти, – обычно на всех не хватает. Основная причина того, почему отдельные персоналии и общественные образования почти непрерывно воевали между собой, сводится к этой экономической реальности – им постоянно приходилось соревноваться за получение этих минимальных условий существования. По той же причине дерутся между собой звери. Ярость, агрессивность и страх естественны уже в силу того, что в основанной на конкуренции социальной среде любое создание представляет препятствие или опасность для своего соседа. Разумеется, человеку в меньшей мере, чем зверю, удалось избежать применения силы.

Те следы первобытных людей, которые мы можем обнаружить, свидетельствуют, что с самого начала им приходилось организовываться для защиты. Из-за того что жилища людей должны были служить и убежищами, они так часто обитали в пещерах, на вершинах холмов, окружали дома рвами или строили их на сваях посреди озер и болот. Среди орудий времен палеолита, которые можно было использовать в качестве оружия, встречаются каменные топоры и ножи, костяные, кремневые и роговые лезвия, наконечники копий. Поскольку, по существу, невозможно раскрыть причины и характер военных столкновений этих древнейших обитателей Земли, для нас было бы полезно взглянуть на примитивные народы других континентов, некоторые из которых в наше столетие переживают свой каменный век.

О воинственности примитивных народов можно сделать несколько обобщающих замечаний. Поводы для войн различны, жестокость зависит от обстоятельств. Некоторые племена убивают всех пленных, другие обращаются с ними мягко. Пигмеи чрезвычайно миролюбивы, но именно по этой причине и в силу своей физической слабости они были вытеснены более агрессивными народностями в самую необитаемую область Африки. Во многих краях живут племена, которые до самого последнего времени считали войну обычным или приемлемым делом, – например, масаи в Восточной Африке или гуарани в Бразилии. Племена, возглавляемые вождями, обычно более предрасположены к войнам, чем те, у которых демократическая форма правления. Лет сто назад племенные войны были значительно менее частыми и жестокими в Габоне и в низовьях Нигера, где, прежде чем идти на войну, требовалось созвать совет старейшин, нежели в Восточной Африке, где вожди обладали абсолютной властью.

Самой распространенной достоверной причиной войны среди примитивных народностей является перенаселенность. Население требуется сократить, а к этому обычно приводят войны или болезни. О том, как восприятие территориальной принадлежности может привести к войне, свидетельствует история индейских племен Северной Америки. Когда начиная приблизительно с 1600 г. н. э. на Восточном побережье утвердилось достаточное количество лучше вооруженных европейцев, индейцев они оттеснили на запад. По мере того как каждое из племен было вынуждено вторгаться на территорию своего западного соседа, более ста

лет между ними шла непрерывная война. Одно за одним между чиппева и сиу следовали крупные сражения у Милле-Лакс в XVII в., на Элк-Ривер в XVIII в., у Кросс-Лейк в 1800 г. В XIX в. положение усугубилось исчезновением бизонов, главного источника питания индейцев, и вынужденной борьбой за лошадей и огнестрельное оружие. Цепь вынужденных миграций продолжалась, потерпевшие поражение сиу, в свою очередь, потеснили дальше на запад шайенов, а те в итоге отогнали команчей к Мексике.

Война может привлекать, потому что она возбуждает, может служить развлечением, к тому же она обещает легкую добычу, несет яркие впечатления и романтику, дисциплину и традиции, самопожертвование и товарищество, обещает престиж в обществе и восхищение женщин. У таитян достаточной причиной идти на войну был обычай, согласно которому юноша не мог жениться, если не имел татуировки, означавшей, что он убил в бою человека.

Но более прагматичные объяснения частого возникновения войн лежат в глубоко укоренившейся тяге людей принадлежать к коллективам. Если в обществе дано развиваться родственными связям, чувству тождества и патриотизму, то, возможно, в отношении соседей могут возникать определенно антагонистические настроения. Среди мбая в Южной Америке бытовало по существу религиозное убеждение, что они призваны жить за счет налетов на все другие племена. Когда европейцы не дали полинезийцам воевать, те пережили глубокий общественный и культурный кризис. Их ценности были обусловлены постоянным ведением войн. Когда это прекратилось, они утратили национальную гордость.

Фактором, лежавшим в основе всех военных и политических событий в истории Ближнего Востока за четыре тысячи лет до рождения Христа, было перенаселение. Первые цивилизации возникли в долинах великих рек – Вавилония и Шумер в низовьях Евфрата и Тигра и Египет по обеим сторонам Нила. Войны неизбежно были непрерывными из-за соперничества за обладание клочками плодородной земли в этих густонаселенных и сильно засушливых областях. Египту постоянно приходилось отбивать от своих границ агрессивных и менее цивилизованных соседей – нубийцев на юге, семитских кочевников на Синае. Подобным образом вавилонским царям постоянно приходилось обеспечивать порядок на своих границах. Временами налеты диких племен перерастали в весьма значительные нападения больших масс кочевых народов, привлеченных речными долинами. В древнейшие времена произошло три крупных вторжения семитов Аравии. В четвертом тысячелетии от Евфрата до Тигра была возведена стена, дабы удержать кочевников первой волны миграции – но тщетно!

Вторая половина четвертого тысячелетия и третье тысячелетие, период столкновения семитов с шумерами Аккадской империи и Египтом эпохи Древнего царства (3500 – 2400 гг. до н. э.), стали эпохой высокой военной активности. Двумя великими полководцами того периода были Саргон, жрец богини войны Иштар, первый правитель всей Месопотамии, и Нарамсин, расширивший Аккадскую империю до Средиземноморья. Месопотамцы намного опережали египтян в области военного оснащения, у последних колесницы появились на двенадцать веков позже.

Главным средством ведения войны в Месопотамии после 3500 г. до н. э. была колесница с вертикально установленным впереди высоким щитом. Обычно она использовалась при прямых фронтальных атаках. Экипаж состоял из возничего и воина, вооруженного метательным и ручным копьями. Основным назначением колесницы было врезаться в ряды противника и посеять панику. Бой начинался с метания копий, с промежуточного расстояния, а после сближения в ход шли ручные копья. Позднее, между 2000-м и 1500 гг. до н. э., с появлением колеса со спицами и облегченного кузова возросла маневренность. Ослов сменили кони, впервые попавшие в Месопотамию из северных степей приблизительно в 2000 г. до н. э. С появлением составных луков возросла огневая мощь. Широко использовалась булава, но с внедрением прочных шлемов ее тупой удар стал менее эффективным и пред-

почтительнее стал боевой топор. В третьем тысячелетии изготавливались боевые топоры с бронзовыми насадками, применявшиеся как в качестве колющего, так и режущего оружия; ими были вооружены как пешие воины, так и всадники. Меч впервые появился в Месопотамии, где овладели техникой изготовления и придания формы лезвия длинным полоскам твердого металла. Первые мечи походили на кинжалы: короткие, прямые и обоюдоострые. Позднее появились кривые серповидные для удара сплеча. Однако знания распространялись медленно и в других местах железные мечи стали обычным оружием лишь начиная с XIV в. до н. э. До того общепринятым оружием месопотамской фаланги было копьё с длинным металлическим наконечником, которое в походе несли на плече, а в атаке держали горизонтально.

Изображение лука встречается на многих памятниках конца четвертого тысячелетия. В Египте он имел двояковыпуклые очертания, а в Месопотамии был сделан в форме простой дуги. Удивительно, что наездники стали пользоваться им лишь после 2000 г. Наконечники стрел делали из кремния. Составной лук впервые изображен на монументе в честь побед Нарамсина (2800 г. до н. э.). Именно тогда лук стал важнейшим оружием. До этого времени луки делали из одного материала, и среди них не было такого, который обладал бы достаточной крепостью и упругостью, чтобы придать стреле большую дальность полета. Новый составной лук изготавливался из дерева, рогов животных, сухожилий – состыкованных или связанных таким образом, что края корпуса до прикрепления тетивы чуть выгибались в обратную сторону. Тетива была натянута очень туго. Теперь стало возможным легкой стрелой поражать противника на расстоянии 300 – 400 ярдов. Последствия появления составного лука были поистине революционными: противник впервые мог быть застигнут врасплох и атакован из-за пределов слышимости, видимости и лишен возможности нанести ответный удар. Лук стал главным оружием. Как реакция на его применение размеры щитов стали больше, появились доспехи. Первая кольчуга, которую носили шумеры, представляла собой накидку с прикрепленными к ней небольшими металлическими кружками.

На открытой местности пехота и колесницы действовали как единое целое. Фаланги, вероятно, вступали в бой сразу же вслед за атакой колесниц. Ворвавшись в боевые порядки противника, колесницы вносили в его ряды замешательство, рассеивали и топтали врага. Следом, с флангов или в центре, в бой вступали фаланги пехоты и добивали неприятелей боевыми топорами и копьями. Построение месопотамской фаланги было строгим и систематичным. Подразделение двигалось колонной из шести шеренг, по одиннадцати бойцов в каждой шеренге – затем вступало в бой с правого или левого фланга строем глубиной шесть рядов. Аккадцы добавляли в этот боевой порядок лучников, но, возможно, отряды лучников дальнего действия были полностью объединены с колесницами и вооруженной копьями и мечами пехотой в Египте – тысячу лет спустя, когда там воевали с хеттами.

Развитые средства ведения осадной войны появились лишь у ассирийцев. Однако в третьем тысячелетии города укреплялись. Их успешно защищали лучники, стрелявшие с квадратных или полукруглых бастионов. На монументе с изображением осады Дешаше хорошо видно, как штурмовали укрепленный город в то время. Нападающие карабкаются по штурмовой лестнице, которая передвигается на колесах. Их прикрывают лучники. Тем временем стену, вернее ворота, самое слабое место, рушат стенобитным орудием.

Вторая большая волна семитской миграции началась приблизительно в 2500-х гг. до н. э. и прежде всего распространилась из Аравии на Ханаан на средиземноморском побережье. Именно тогда эти племена с дурно звучащими именами аммонитяне и моавитяне впервые вошли в историю Израиля. Ханаанцы хлынули в Месопотамию, именно они превратили Вавилон в значительный город, они же восстановили Ур и объединили всю южную Месопотамию в Халдейское царство. В Египте около 2375 г. до н. э. после завоевания правителями Фив южной части дельты Нила появилось Среднее царство. Но потом Египет вступил в дли-

тельный этап мирного развития и высокой цивилизации и военной мощи внимания не уделялось. Таковы были условия, когда около 1800 г. Египет захватили и поработили гиксосы, ветвь второй волны семитской миграции. Приблизительно в 1630 г. до н. э. египтяне начали борьбу за освобождение, и в конечном счете около 1580 г. фараон Яхмос изгнал гиксосов.

Какой была египетская армия в этой освободительной войне в конце Среднего царства? Воины по-прежнему применяли боевые топоры и копья, но главным оружием стал лук. По существу, гиксосы познакомили египтян с мощным составным луком двояковыпуклой формы, а также с колесницами. Щиты постепенно уменьшались в размерах и становились легче, что способствовало большей маневренности. Крепость Бухен, окруженная сухим рвом, имела все необходимое для надежной обороны. Парапетные стены с бойницами способствовали ведению оборонительного огня, а галереи позволяли обстреливать сверху штурмующие войска.

Среди племен было довольно обычным делом разрешать мелкие конфликты путем поединков, считавшихся честным и обязывающим способом. Однако крупные кампании таким путем не заканчивались, и египтяне создали сложную военную организацию. У фараона был свой контингент профессиональной охраны, а все местные правители должны были поставлять свои отряды, позже появилась необходимость в создании профессиональной армии.

Были созданы эффективные системы связи, разведки и управления. Существовал свод сигнальных огней, на поле боя гонцы по эстафете передавали сообщения и приказы, иногда применялась сигнализация семафорами или трубными звуками. При действиях крупных соединений в незнакомой местности была необходима хорошая разведывательная служба. Египтяне посылали разведывательные группы с целью шпионажа и захвата пленных для допросов. Находившиеся на передовых позициях офицеры часто передавали в штаб сообщения о ходе боя. Было правилом сообщать источник информации, а форма докладов, по всей вероятности, очень походила на ту, которая существует в современной армии. В армии имелись медицинская служба, саперные подразделения, занимавшиеся строительством осадных сооружений, существовала также транспортная служба из судов и повозок.

С изгнанием гиксосов и основанием Нового царства у египтян появился аппетит к дальнейшим завоеваниям. Аменхотеп I, Тутмос I и Тутмос III распространили Египетскую империю на Ближний Восток. Затем, приблизительно в 1350 г. до н. э., началась третья миграция семитов из Аравии, и военная мощь Египетской империи была подорвана нападениями арамейцев и хеттов. Однако в 1292 г. фараоном стал молодой, способный и энергичный Рамсес II. Он был решительно настроен восстановить Египетскую империю в прежних пределах. Предшествующий мирный период дал хеттам время сильно укрепиться в Сирии, превратив Кадеш в бастион своей южной границы. Рамсес решил нанести удар именно в этой точке. Но прежде чем разбирать битву при Кадете, рассмотрим вооружение и организацию египетских войск в Новом царстве.

В этот период, после 1500 г. до н. э., боевой топор занимал не такое видное место, как меч, который, как и другие значительные вооружения, попал в Египет из Азии. Меч заменил булаву и в качестве символа власти фараона. Меч Рамсеса III был длинным и широким. Коротким, типа кинжала, мечом старых времен тоже продолжали пользоваться. И тот и другой были самым эффективным оружием фаланг в рукопашных схватках. Копье тоже было табельным оружием пехоты. В конце концов и в Египте появился известный много веков в Месопотамии более прочный наконечник в форме вдавленного листа. Фаланга состояла из подразделений, вооруженных боевыми топорами, копьями и мечами.

Египетские наездники на колесницах были вооружены метательными копьями. Различие в вооружении объясняется различной тактикой применения колесниц. Азиатские колесницы, экипаж которых состоял из возничего и двух копыеносцев, врзались в ряды

неприятеля. Если бой становился слишком скученным и колесница не могла маневрировать, возникший присоединялся к копьеносцам. Египетские колесницы чаще действовали в составе подразделений, они атаковали плотной массой, гоня противника перед собой, и никогда во время боя не давали себя окружить. Составлявшие значительную часть египетской армии колесницы объединялись в подразделения из пятидесяти единиц, каждое под началом отдельного командира. Конницы еще не было. Но поскольку мощность оружия возрастала, а доспехи становились все надежнее, исход битвы все больше зависел от максимальной мобильности войск, поэтому колесница становилась важнейшим боевым средством. Это было легкое сооружение, влекомое парой коней, прочное, но быстроходное и маневренное. Позднее египтяне создали специальную тяжелую колесницу. Техническое обслуживание колесниц на ведущих к местам военных действий путях обеспечивали мастерские, где имелись запасные части и производили ремонт транспортных средств.

Во всех крупных армиях того времени главным оружием был лук. Египтяне в значительной степени благодаря тому что у них были средства и специализированные мастерские по производству добротных луков смогли так легко справиться с государствами Палестины и Сирии. Луками были вооружены и колесничие, и пешие воины. Стрелы из тростника имели бронзовые наконечники и с более или менее близкого расстояния могли пробивать доспехи того времени. Пеший лучник носил в колчане, висевшем на перекинутом через плечо ремне, до тридцати стрел.

В период Среднего царства египетские воины доспехов не носили, зато прикрывали себя большими щитами. В Новом царстве колесничие и лучники, обе руки которых должны были быть свободны, носили кольчуги и шлемы и пользовались только небольшими щитами, а то и совсем их не использовали. По мере того как оружие обретало все большую поражающую способность, более прочными становились и доспехи. Они изготавливались из металлических пластин, но были гибкими и сравнительно легкими. Мешала их большому распространению дороговизна, и кольчуги носили только те воины, у кого обе руки должны были быть свободны, остальные – копьеносцы и меченосцы – пользовались щитами. Все воины носили шлемы, зачастую щедро украшенные.

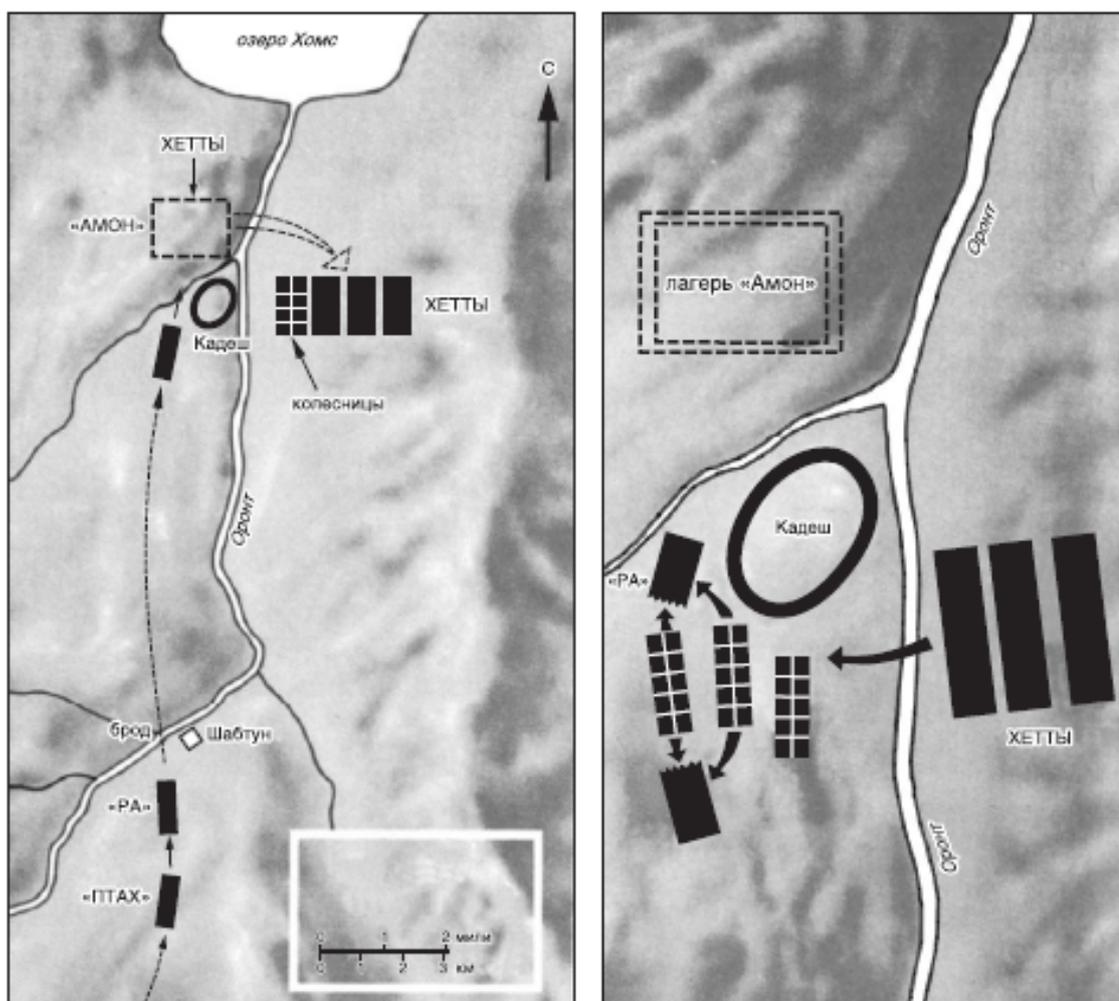
Египтяне умело устраивали засады, но, обладая превосходящими силами, предпочитали воевать в открытую крупными силами. Теперь рассмотрим битву у Кадета между Рамсесом II и хеттами в 1288 г. до н. э., первое сражение в истории, которое можно воссоздать сколько-нибудь подробно.

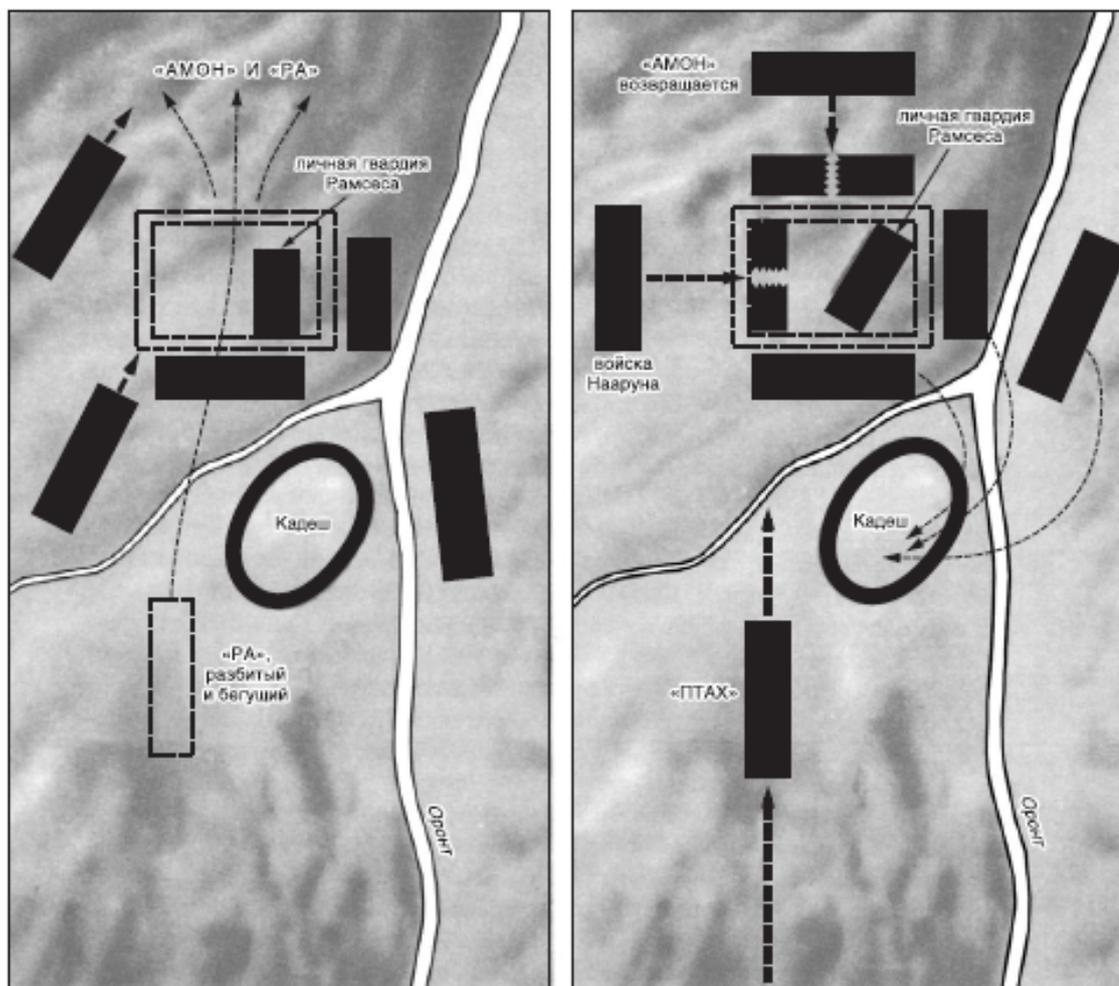
Хетты под руководством Муваталлу создали грозную армию, какой египтянам еще не приходилось противостоять. Но к 1288 г. у Рамсеса армия не уступала хеттской. Поздней весной этого года он достиг долины в верховьях Оронта на расстоянии одного дня ходьбы до Кадета. Рамсес разделил свою армию на четыре части и, возглавив отряд «Амон», начал переправу. Остальные последовали за ним. Он перешел реку близ Шабтуна, примерно в шести милях южнее Кадета, и двинулся на север. Ему не терпелось начать осаду, и он уверенно двинул отряд впереди своих основных сил, поскольку два хеттских дезертира сообщили ему, что основные силы хеттской армии находятся много дальше к северу. Но его обманули. Этих двоих «дезертиров» послал Муваталлу, чтобы заманить Рамсеса на север, в ловушку, устроенную хеттской армией, укрывшейся к северу от Кадета.

Когда Рамсес приблизился и, двигаясь в северном направлении, стал обходить Кадеш с запада, хеттская армия сначала двинулась через реку в восточном направлении, а затем к югу, так что город постоянно находился между ней и противником, избегая быть обнаруженной. В конечном счете они завершили блестящий маневр, отрезав Рамсеса с юго-востока. Египетская армия была разделена на две части. Рамсес оказался перед лицом превосходящих сил неприятеля. Остальные его отряды остались так далеко к югу, что было сомнительно, успеют ли они вступить в бой. Египетский царь осознал свое отчаянное положение, когда

захватили двух хеттских шпионов – на этот раз настоящих, – которые признались, что хеттская армия находится за Кадешем.

Хетты сначала атаковали второй отряд египетской армии, названный «Ра». Застигнутый врасплох отряд «Ра» был расколот надвое, потом разбит на части. Около 17 тысяч воинов, преследуемые отрядами колесниц и фалангами хеттов, бежали к лагерю фараона. Отряд «Амон» во главе с Рамсесом беспорядочно отступил. Казалось, разгром предопределен, но Рамсес предпринял отчаянную контратаку. Не сумев остановить хеттов в центре, он заметил, что их восточный фланг у реки ослаблен, и направил туда свои колесницы. Хетты все еще могли одержать победу. Они одолевали в центре, и для полной победы нужно было сосредоточить силы на восточном фланге. Но подвела дисциплина, и войска принялись грабить египетский лагерь. Это был критический момент битвы. Занимавшиеся грабежом войска проявили беспечность и были атакованы и смяты войсками Нааруна. Это была служившая в египетской армии отборная ханаанская фаланга глубиной в десять рядов, она только что прибыла с западного фланга, где была первоначально размещена. Одновременно с выправлением обстановки в центре египтяне продолжали упорно атаковать на восточном фланге. В этот момент техническое превосходство египетской колесницы, на вооружении которой находился дальнобойный составной лук, было решающим. Хеттские колесницы были менее маневренными, а воины на них имели лишь копье с небольшой дальностью полета.

Битва при Кадете

Мувагаллу отбросили за Оронт, и он с 6 тысячами воинов встал на другом берегу реки. Теперь он был сильно ослаблен, поскольку в первой атаке по центру уже ввел в бой все свои колесницы, а пехота была бессильна перед лицом египетских колесниц. К вечеру подошел третий отряд («Птах») египетской армии. Тогда хетты отошли в Кадет и стали готовиться к осаде. Но египтяне отступили, не пытаясь занять город. Исход битвы оказался неопределенным. Рамсеса перехитрили стратегически, но в ходе сражения он руководил войсками настолько хорошо, что сумел, хотя и ценой огромных потерь, избежать поражения. Мувагаллу после блестящего начала из-за ошибок в управлении войсками утратил преимущество, он также понес потери из-за отставания в технике.

С тех пор и хеттская, и египетская империи стали быстро приходить в упадок. Египтяне израсходовали свой имперский порыв, а хетты уже ощущали растущую мощь Ассирии.

Ассирия располагалась в бесплодной области в верховьях Тигра и поэтому стояла перед выбором – либо оставаться малой и слабой, либо разбогатеть путем завоеваний. Оставшийся после неудач египтян и хеттов вакуум власти дал ассирийцам этот шанс. Ассирийская экспансия началась в царстве Тиглатпаласара I (1115 – 1102 гг. до н. э.), и после него многие цари были весьма способными полководцами; величайшим из ассирийских завоевателей был Тиглатпаласар III (745 – 727 гг. до н. э.). Ко времени завоевания в 671 г. до н. э. Верхнего Египта ассирийцы господствовали над всем Ближним Востоком.

Ассирийцы не давали себе труда оправдывать сколачивание империи и не искали предлога для вторжения. Этот свирепый народ поклонялся жестокому богу Ашшуру. Крылатый

диск с его изображением во время боя всегда устанавливали на царской колеснице и воздвигали в каждом покоренном месте. Старшие военачальники одновременно были и жрецами, так что слово «бунтарь» было равнозначно слову «грешник», коего надлежало наказывать с крайней жестокостью. Обвинения города Аринны в «презрении бога Ашшура» было достаточно, чтобы разрушить его до основания. После победы пленных безжалостно убивали, совершая при этом религиозные обряды. Ассирийцы не приносили никаких благ покоренным народам. Наоборот, грабили каждую землю. Обычной политикой были жестокое обращение и массовые депортации, дабы увеличить население Ассирии. Чувства всех их подданных выражены в восклицании иудейского пророка Наума: «Горе этому кровавому городу!» Тиглатпаласар I хвастался, говоря о своих пленниках: «Я проливал потоками их кровь в долинах и высоко в горах. Я рубил им головы и сваливал, подобно кучам зерна, под стенами городов. Вывозил бесчисленные трофеи и пожитки».

Ассирийцы были первой великой военной державой железного века, и их оружие было прочнее и острее, чем когда-либо прежде. Они также первыми применили кавалерию, незадолго до 1000 г. до н. э. Было два рода конницы – лучники и копьеносцы. Оба применялись как на длинных дистанциях, так и в ближнем бою. Верховые копьеносцы обычно начинали атаку, за ними следовали пешие. Конные лучники атаковали с тыла или с флангов, действуя парами – один всадник стрелял из лука, другой держал поводья обоих коней и большой щит, способный прикрыть того и другого воина. Главной по численности силой в армии были колесницы с лучниками. Пешие войска состояли из копьеносцев, лучников и пращеметателей. Копьеносцы надевали тяжелые кольчуги и шлемы. Чтобы получить оптимальное соотношение надежности и мобильности, испробовались щиты самых разных размеров, форм и веса, но не остановились ни на одном. Копьеносцы обычно были ударной силой в рукопашных схватках, но они также играли важную роль при нападении на укрепленные города. Главную силу ассирийской пехоты составляли лучники, которые со своими совершенными составными луками участвовали в боях всех видов. В более ранние времена они одевались в длинные кольчуги, затем, при Тиглатпаласаре III (745 – 727 гг. до н. э.), коренным образом преобразовавшем все рода войск, их защищал огромный, выше человеческого роста щит с козырьком, который носили специально выделенные щитonosцы. Существовали и подразделения легких лучников. Тиглатпаласар III первым из ассирийских царей стал использовать пращеметателей. На одном из рельефов изображено, что они действовали парами позади лучников, их навесной огонь был особенно эффективен при штурмах городов, расположенных на крутых склонах. Все пешие воины кроме своего особого оружия были вооружены длинным прямым мечом.

На протяжении столетий почти непрерывных войн ассирийцы редко терпели поражение. Их армии в численности часто уступали противнику, к тому же не хуже вооруженному. А успех отчасти объяснялся тем, что цари Ассирии были одаренными полководцами. Но он также в значительной степени зависел от разумной организации. Будучи исконными восточными деспотами, ассирийские цари обладали абсолютной властью, позволявшей направлять все ресурсы государства на военные цели, к тому же они были весьма умелыми администраторами. Существовала регулярная армия, все взрослые мужчины должны были отслужить срочную военную службу – хотя на деле богатые могли, если хотели, откупиться или послать вместо себя раба. Пополнять личный состав должны были и покоренные народы. Центральное правительство, в частности, за счет дани с оккупированных ими земель хорошо обеспечивало войска и командиров. По завершении кампании часть трофеев распределялась среди войск. Армию подкрепляла собственная эффективная разведывательная система, а гражданские чиновники в провинциях регулярно направляли в центр информацию, которая могла иметь военное значение.

Внушительная мощь ассирийской армии практически не давала шансов остальным народам победить в открытом бою, и они полагались на защиту укрепленных пунктов. Поскольку нет подробных описаний сражений на открытых местах, невозможно с уверенностью говорить о стратегии и тактике ассирийцев в подобных операциях. Главная роль, видимо, принадлежала колесницам, наносившим удар со всех направлений и вступающим в бой на любом расстоянии. Другие формирования подчищали то, что оставалось после колесниц. Самым наглядным свидетельством служит серия рельефов, относящихся примерно к 550 г. до н. э., изображающих сражение с эламитами и арабами на реке Улай. Похоже, что состоящая из легких лучников, пеших воинов и немногих всадников армия эламитов находится в отчаянном положении. Ассирийская армия, используя силы, соответствующие местности, состоит в основном из вооруженной луками и копьями конницы и пеших копьеносцев. На большинстве воинов тяжелые доспехи, но, кроме того, на поле боя движутся легко защищенные вспомогательные силы лучников, причиняющих значительный ущерб. Сцены начинаются с первой атаки и заканчиваются отступлением эламитов в реку и обезглавливанием пленных. Ясно, что конница и пехота введены в бой после того, как колесницы внесли замешательство в ряды противника. Конница действует в основном на флангах, не давая воинам противника уйти, всех их предстоит загнать в реку и уничтожить.

Ассирийские воины умело действовали в любой местности. На одном из рельефов изображены пешие воины, передвигающиеся по лесистой местности. Подразделение пеших копьеносцев движется развернутым строем отдельными шеренгами, охраняемое небольшими отрядами с тыла и с флангов. В холмистой местности, поросшей лесом, главную роль играют конные лучники и копьеносцы, действующие в контакте с пехотой. Они передвигаются колонной, в лесистой местности охраняемой пехотой. Самым ярким примером способности ассирийских войск действовать в сложных условиях служат десантные операции Синахериба (ок. 690 г. до н. э.) в болотистых районах дельты Тигра. Пешие войска выступают в качестве морской пехоты, врываясь в топи на легких лодках, маневрируя в зарослях тростника, выискивая неприятеля и сжигая его укрытия. Ассирийская армия, способная перебрасывать крупные соединения на большие расстояния в холмистой местности, проявляла максимум изобретательности и технического мастерства при преодолении естественных препятствий, особенно при форсировании рек. Еще на одном рельефе изображена переправа через широкую реку подразделений боевых колесниц с тяжелым снаряжением. Сами колесницы переправляют в больших лодках с гребцами, которым с противоположного берега с помощью канатов помогает передовой отряд. Коней переправляют вплавь, привязав к лодкам, а люди плывут на надутых козьих шкурах, стараясь не замочить оружие. Для переправы через небольшие водные преграды ассирийские саперы умели строить понтонные мосты.

Ассирийцы были весьма искусны в осадной войне. В данном случае успех был результатом максимальной координации действий и применения различных технических приемов: взятия штурмом крепостных валов, пробивания брешей в стенах и воротах, использования приставных лестниц, подкопов и психологической войны. Примером укреплений, с которыми ассирийцам приходилось иметь дело, служит массивная стена Мегиддо, построенная в начале XIX в. до н. э. Толщиной 7 футов у основания с выступами и нишами шириной 18 футов, она увенчана галереей с бойницами в парапете; дополнительным укреплением служит более низкая внешняя стена.

Ассирийская империя пала в конце VII в. до н. э., когда государство ослабил затянувшийся спор за наследование царской власти. Царь Вавилона Набополасар и индийский царь Киаксар объединились в союз, чтобы разгромить ассирийцев, ряды которых серьезно поредели в результате гражданских войн в 620-х гг. В 612 г. последний царь Ниневии Син-шарришкун бросился в огонь своего пылающего города. Поражение и покорение были настолько

полными, а массовые убийства и депортации жертв приобрели столь широкий размах, что ассирийский народ как таковой перестал существовать.

Глава 3 ДРЕВНИЕ ГРЕКИ

Героический век греческих войн начался приблизительно в 1400 г. до н. э. – именно в этот период происходила Троянская война. Сражения тех дней описываются как испытания доблести и героизма могучих воинов: Аякса, Гектора, Ахилла. Воины прибывали на поле боя в колесницах, спешили и вступали в единоборство, подбадриваемые сторонниками. Легко снаряженные ради быстроты и проворности, они имели по круглому щиту, два копья для метания и прямому мечу. Лук презирали как оружие трусов. Если копья не решали исхода поединка, следовало единоборство на мечах.

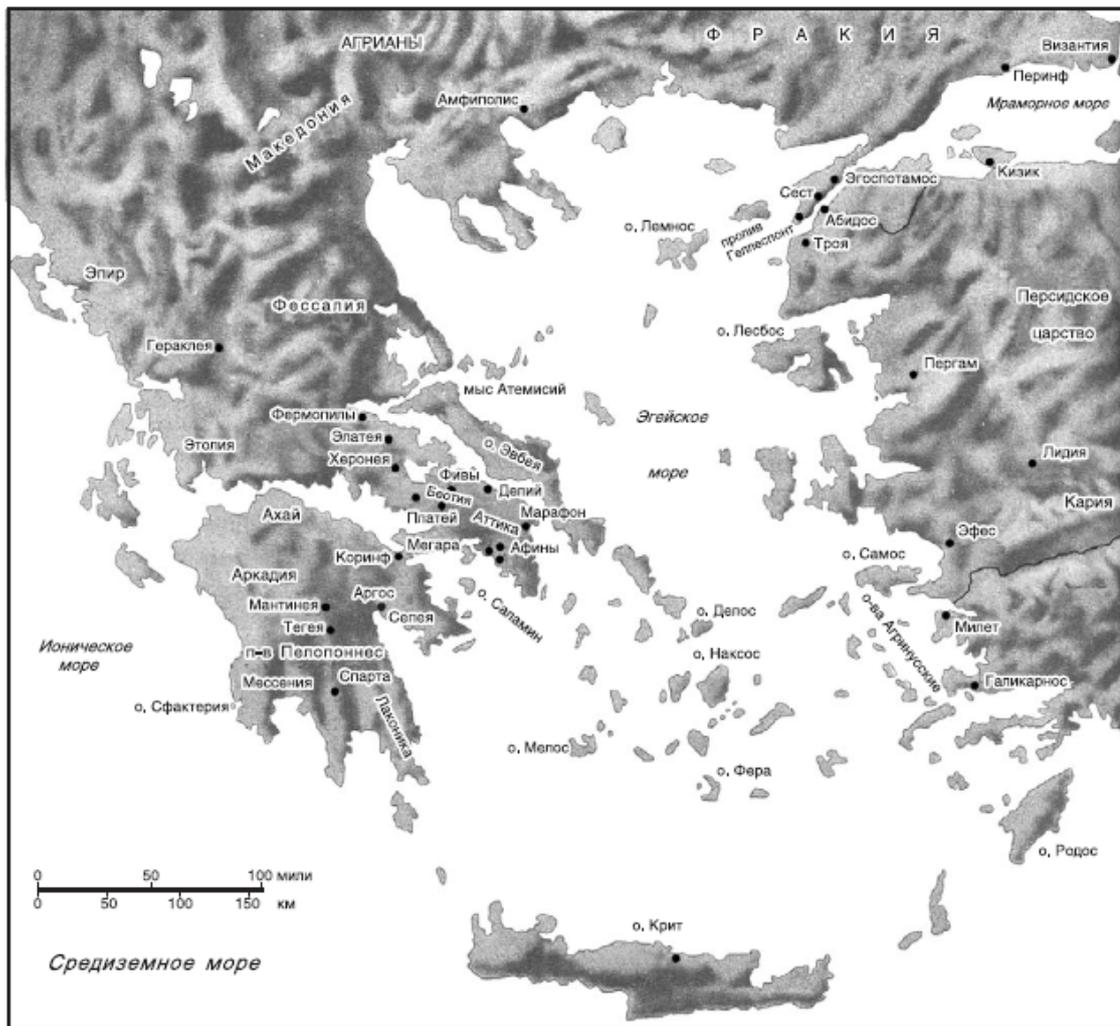
После 1100 г. до н. э. в Грецию с севера вторглись дорийцы. Последовало четыре черных столетия, во время которых Греция вступила в железный век. В конечном счете в начале VI в. в Греции наступил 250-летний период военного превосходства Спарты. Спарта была военным государством. Слабых младенцев оставляли умирать на горном склоне, а спартанских мальчиков и молодежь от семи до тридцати лет держали в казармах, где они учились соблюдать дисциплину и привыкали переносить трудности. Все мужское население состояло в высокопрофессиональной регулярной армии, каждый воин был предан правилу «победить или умереть». Экономические потребности обеспечивали рабы.

К 500 г. нависла угроза войны между Грецией и Персией. Во второй половине VI в. персы, воспользовавшись возможностями, открывшимися с исчезновением Ассирии, расширили свою империю в западном направлении, и в 500 г. греки с Ионических островов обратились за помощью к материковой Греции. Тогда Дарий решил завоевать всю Грецию. Перед лицом такой опасности все греческие города впервые объединились под спартанским руководством. Первое массированное вторжение персов было отражено в 490 г. до н. э. в Марафоне, второе в 480 – 479 гг. у Саламина и около Платеи. Греки одержали победы над многочисленными считавшимися непобедимыми персидскими войсками, потому что усовершенствовали два весьма эффективных средства ведения войны: фалангу гоплитов и трирему.

Вскоре после 700 г. до н. э. сражения между расположенными на расстоянии друг от друга свободными формированиями уступили место схваткам между плотными фалангами тяжеловооруженной пехоты, или гоплитов. С совершенствованием плавильной техники и экономическим процветанием большее число граждан могло позволить себе приобрести доспехи гоплита. Они состояли из восьмифутового копья, меча, шлема, нагрудной кирасы, наголенников и круглого щита диаметром около трех футов на левой руке. Шлем увенчивался гробнем, а щит часто украшался изображениями птиц и зверей.

Тактика фаланги гоплитов состояла в том, чтобы противостоять противнику сплошным плотным строем, чередуя щиты и копья. Во время боя каждый воин старался нанести врагу удар копьем в горло. Чрезвычайно важно было сохранять строй, ибо каждый зависел от соседа. Личных отличий полагалось добиваться не на поле боя, а в атлетических состязаниях. У Платеи спартанская фаланга состояла из восьми шеренг. Назначение задних шеренг состояло в том, чтобы заполнять бреши в передних, нести запасные копья и заниматься ранеными – добивать воинов противника и оказывать помощь своим. Чтобы поддерживать плотность рядов и избежать образования опасных брешей в передней шеренге, требовались дисциплина и целеустремленность. Исход битвы, которая обычно бывала краткой, решался твердостью и числом. Поскольку было важно максимально проявить силу в начальной стадии, вся мощь армии вводилась в бой без промедления. Если шеренга разрушалась, терпящие поражение гоплиты спасались бегством, так как в отсутствие резерва повторная атака была

невозможна. Преследование продолжалось недолго, поскольку после напряженной схватки тяжело экипированные воины бывали полностью обессилены.

Древняя Греция

Тактика, как мы видим, была весьма ограниченной. Но благодаря превосходной подготовке и дисциплине спартанцы в такой войне оставались непревзойденными. Они внесли простое усовершенствование в атаку гоплитов, почти триста лет приносившее им победу. Поскольку каждый воин искал защиты за щитом соседа, наступающее войско, естественно, понемногу сдвигалось вправо. Получалось, что правое крыло фаланги в какой-то мере обходило слева фланг противника, и спартанцы пользовались этим обстоятельством. Обойдя противника с фланга, они разворачивались и разрушали его строй. Их медленное, но неуклонное продвижение под звуки флейт давало достаточно возможностей для маневра.

Одного короткого сражения бывало достаточно, чтобы решить исход кампании. Во всяком случае, плохие дороги, горная местность и строгие боевые порядки ограничивали масштабы стратегических или тактических замыслов. Войны ограничивались летними месяцами, поскольку единственным средством выманить противника из-за обнесенного стенами города и вступить с ним в бой было уничтожение его урожая и поголовья скота. Осады случались редко. Гоплиты почти никогда не применяли другого оружия. Конница могла бы быть полезной, если бы у греков было больше сильных коней. Но Греция с ее скудными пастбищами не годилась для коневодства, только фессалийцы обычно полагались на конницу.

Персы, покорившие Азию благодаря лучникам и коннице, поставили греков перед лицом невиданных ранее способов ведения войны, но и сами столкнулись с не уступающей по силе греческой фалангой. В сражении у Платеи (479 г.), после того как греки выдержали ливень стрел, Павсаний идеально рассчитал время атаки спартанских гоплитов, ударив по войскам противника, когда те сосредоточились в одном месте.

Греки не стремились совершенствовать средства ведения войны. Все они, за исключением спартанцев, не терпели дисциплины и не любили воевать. Они могли хорошо воевать, когда требовалось, но их интересовало и кое-что получше. «Самые сильные духом те, кто, имея совершенно отчетливое представление о страданиях и радостях жизни, не отступает в силу этого перед опасностями». Перикл, узнав об убийстве на Самосе юных афинян, почувствовал, «словно из года изъяли весну».

В героический век в Греции не велось военных действий на море, корабли использовались только как транспорт. Но к VII в. до н. э. появились военные корабли с носом, специально усиленным для тарана, и с палубами для пехотинцев, обстреливавших или захватывавших неприятельский корабль. Начиная приблизительно с 650 г. до н. э. в военно-морской тактике основное внимание отдавалось тарану и корабли стали длиннее, быстроходнее и более низкой посадки. Между 550-м и 500 гг. греки создали трирему, прототип галеры, которой предстояло господствовать в морских войнах до сражения при Лепанто в 1571 г. н. э. Трирема могла вмещать до 170 гребцов, каждый за одним веслом, весла, вероятно, располагались в три яруса с выносными уключинами, служащими дополнительными рычагами. Быстроходные и маневренные триремы открывали большие возможности для опытных мореходов. Первое сражение с участием флотилий трирем произошло у острова Лада в 494 г. до н. э., когда обладавшие превосходящими силами персы подавили восстание ионийцев.

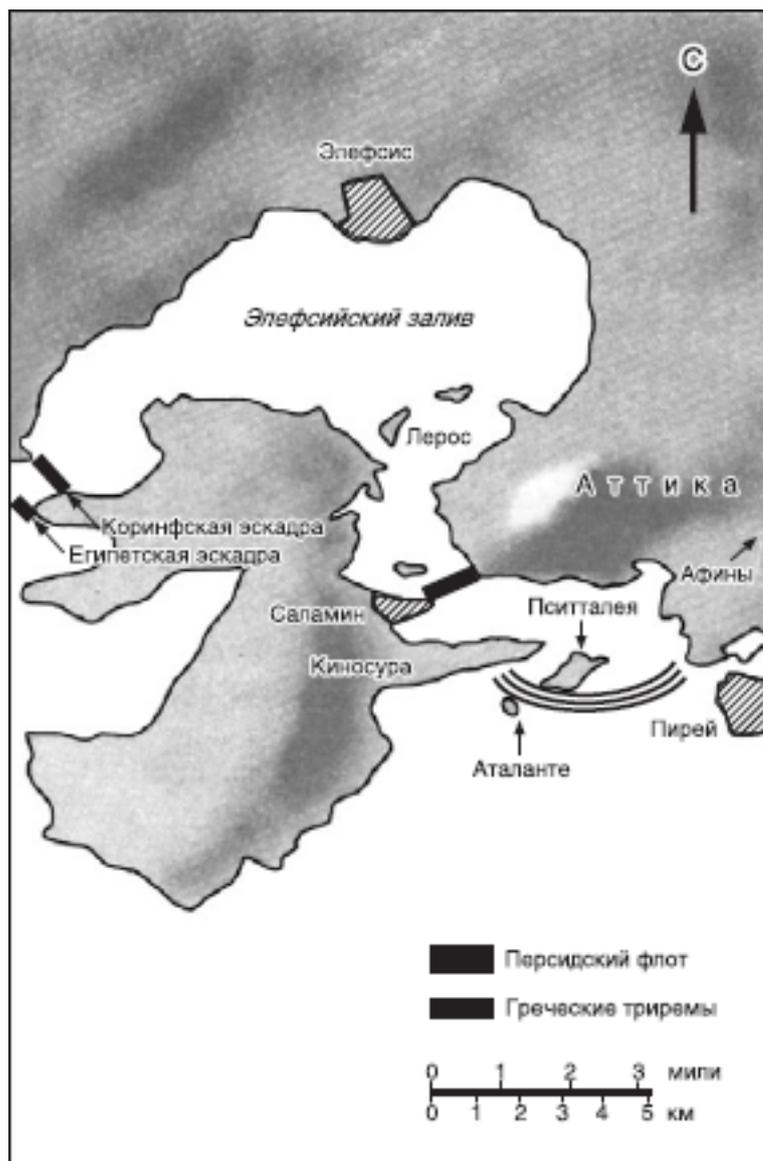
Весной 480 г. персидские войска во главе с Ксерксом в составе 160 тысяч воинов и, согласно Геродоту, 1207 военных и 3000 транспортных судов продвинулись в северную Грецию. На всегреческом собрании под председательством Спарты был согласован план обороны. Чтобы свести до минимума численное превосходство персов, было решено встретить их в узком Фермопильском ущелье примерно в 80 милях к северу от Афин и на востоке в Эвбейском проливе. Фермопильская операция должна была удержать Ксеркса и заставить его попытаться обойти греков с фланга в морском сражении, на которое греки возлагали все надежды. На север Эвбейского пролива послали флотилию из 324 трирем во главе со спартанцем Эврибиадом. Главной ее силой был афинский контингент под командой Фемистокла.

Персы намеревались взять штурмом фермопильский проход и закупорить греческий флот в Эвбейском проливе. Но, направляясь к восточному побережью Магнесии, персидский флот попал в шторм и понес значительные потери. Тогда Фемистокл убедил колеблющегося греческого адмирала атаковать немедленно, пока неприятельский флот не восстановил порядки. Последовало тяжелое, но не определившее победителя двухдневное сражение у мыса Артемисий. Персы вышли из боя в лучшем состоянии, а греки к концу второго дня подумывали отступить. Затем пришло сообщение о сдаче Фермопил. Спартанский царь Леонид с 7000 гоплитов (из них только 300 спартанцев) держались три дня против всей персидской армии. Но кончилось тем, что нашелся предатель, который показал обходной путь в тыл греков. Все до одного спартанцы погибли, и персидская армия, захватив ущелье, двинулась на юг к Афинам.

Греческий флот двинулся по проливу на юг и обогнул Аттику, теперь только он мог спасти Грецию. Задача состояла в том, чтобы склонить персидский флот принять бой в водах, устраивающих греков. Фемистокл решил, что такое место у острова Саламин, расположенного у входа в Элефсийский залив. К заливу можно подойти с запада или с востока. Восточный подход разделяется островом Пситталей на два очень узких пролива, каждый не

более трех четвертей мили шириной. Большой персидский флот оказался бы зажатым в этих узких пространствах, и у опытных греческих мореходов открывались большие возможности. Однако теперь персы уже не нуждались в морском сражении. Предпочтут ли они пренебречь греческим флотом? Боевой дух греков был невысок, поскольку Ксеркс к тому времени опустошил Аттику и безжалостно расправился с защитниками афинского Акрополя. Эврибиад колебался. Но Фемистокл решился на очень смелый замысел, имевший целью соблазнить персов захватить греческий флот. Он оставил пролив между Саламином и Мегарой незащищенным и 22 сентября 480 г. до н. э. довел до сведения Ксеркса, что «греками овладел страх и они подумывают о поспешном бегстве».

Ксеркс заглотил наживку. В ту же ночь его флот блокировал оба пролива у Саламина, а войска высадились на Пситталее. К рассвету большая часть персидского флота развернулась тремя рядами от Киносурры до Пирея. Греки быстро развернули свою флотилию из 366 трирем. Сражение начали персы. Из-за того что пролив оказался узким, их рядам пришлось разбиться на два кильватерных строя, финикийцы справа, ионийцы слева. Почти сразу строй нарушился, то ли из-за тесноты, то ли из-за бурного моря. Греческие суда пошли в атаку, и началась свалка. Тактика греческих трирем заключалась в том, чтобы срезать весла на неприятельских судах, делая их неуправляемыми, а затем таранить их в борта и иногда брать на бордаж. Решающими были действия афинян и эгинцев на левом фланге. Двигаясь вплотную к берегу, они оттеснили правый фланг персов к центру. Персы все больше и больше сбивались в кучу и ломали боевые порядки. Поначалу в центре бой шел на равных, а на правом фланге у греков, казалось, были затруднения. Но через семь-восемь часов напряженного сражения греки стали брать верх по всему полю битвы и афиняне угрожали зайти в тыл левого фланга персов. В результате ионийцы покинули поле боя. Персы оставили Пситталеею и отошли к Фалеру. Цифры потерь точно неизвестны, но, во всяком случае, греки не были в состоянии преследовать противника, и их флотилия ушла к Саламину.

Битва при Саламине

Сражение у Саламина имело огромное стратегическое значение. Без флота, обеспечивавшего перевозки и охрану коммуникаций, Ксеркс решил оставить в Греции лишь небольшую армию, и ту греки в 479 г. смогли разбить при Платее. В V в. до н. э. Афины продолжали наращивать военно-морскую мощь, однако, говоря словами Фукидида, «рост мощи Афин и тревога, которую он вызывал у Спарты, делали войну неизбежной». В 431 г. до н. э. разразилась Пелопоннесская война. В следующие 27 лет в нее в разное время были втянуты почти все греческие города-государства. Расцвет афинского военно-морского флота пришелся на время Пелопоннесской войны (431 – 404 гг. до н. э.). Но Перикл уделял слишком много внимания чисто военно-морской стратегии. Он не осознавал, что Афины не могут победить без надлежащей армии, без сбалансированной морской и сухопутной мощи, и эта неосмотрительность привела к окончательному поражению Афин в 404 г.

По своей продолжительности и масштабам Пелопоннесская война превосходила все предыдущие войны, имевшие место в Греции. На протяжении всей войны и в первой половине IV в., когда борьба между Спартой, Фивами и Афинами за главенство в Греции продолжалась, ведение сухопутной войны переросло старые спартанские каноны.

Во время Пелопоннесской войны имело место несколько осад. Первым греческим городом, который в 424 г. взяли штурмом, был Делос. Его спешно воздвигнутые деревянные стены были сожжены огнем, выдувавшимся из гигантской трубы. Первым греческим знатоком в области фортификаций и осадного искусства был тиран Сиракуз Дионисий I (405 – 367 гг. до н. э.). Обороняясь от карфагенян, он сделал остров Ортигия неприступным, а на холмах Эпипол построил величественную крепость. Революционизирующим стало применение осадных башен и катапульта. Существовало два вида катапульта. Малые, «катапелтес», могли точно метать стрелы, копья и камни весом до 8 фунтов на расстояние до 250 ярдов, более крупные, «петроболос», могли забрасывать камни весом до 55 фунтов. В обоих случаях движущей силой были скрученные жилы животных или женские волосы. Правда, города чаще брали старыми способами: измором, с помощью пятой колонны и благодаря предательству.

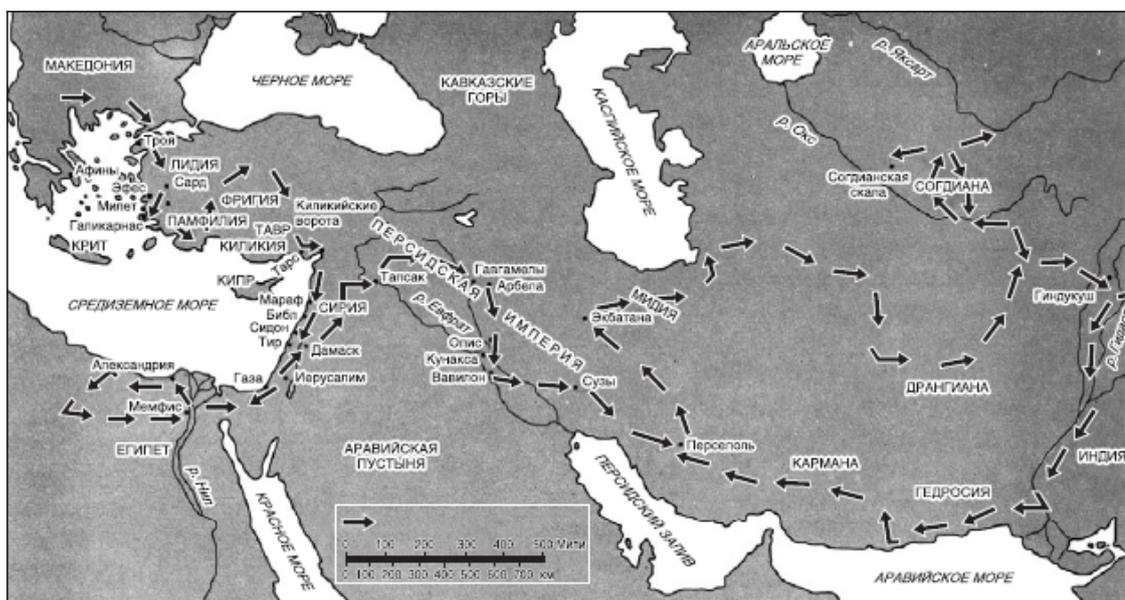
На протяжении этого периода оружие становилось разнообразнее, стали больше ценить конницу и легковооруженные войска. В 415 г. Никий доставил на Сицилию всего тридцать коней, но скоро увидел, что надо защищать фуражиров, так что пришлось увеличивать конницу. Но прежние препятствия для применения конницы оставались в силе. В летние месяцы, когда велись военные действия, не хватало кормов и воды и греки не знали подков и стремян – подковы придумали кельты в IV в. до н. э., а стремяна появились в Индии в I в. до н. э. Греческие кони были недостаточно сильными, чтобы нести доспехи, поэтому были уязвимы для ударов копьями, особенно в момент, когда конница разворачивалась после атаки. Но достоинства применения конницы на такой пересеченной местности, как в Греции, становились все более очевидными.

Подобным же образом стали признавать, что легковооруженные войска значительно лучше годятся для греческой территории, чем гоплиты, а в прошлом их презирали как варваров. Афиняне усвоили горький урок в 426 г., когда 120 гоплитов под началом Демосфена были истреблены этолийскими копьеметателями, решившими не идти врукопашную. Демосфен не замедлил создать в 425 г. отряд легковооруженных воинов и, к удивлению греков, задействовал его, пленив спартанцев на Сфактерии. Легковооруженные пешие воины обходились дешево, и созданию таких формирований способствовало развитие системы наемников. Многие греки, воевавшие в Пелопоннесской войне, когда та кончилась в 404 г., не знали никакого другого ремесла, так что они становились профессиональными солдатами. В 401 г. до н. э. персидский правитель Кир Младший нанял в свою армию 10 тысяч греков. Ксенофонт, описывая в «Анабазисе» пятимесячное отступление войск Кира к Черному морю, рассказывает, сколь многому они научились в отношении военных действий с применением легкого оружия, особенно луков, у горных племен, с которыми воевали, прокладывая себе путь. Между 399-м и 375 гг. наемниками за границей служили 25 тысяч греков, многие из которых, такие, как родосские пращники и критские лучники, вернулись, владея новыми приемами. В Афинах вскоре после 400 г. Ификрат создал по образцу фракийцев отряд пелтастов, наемных копьеметателей. Они были одеты в кожаные жилеты, имели при себе меч и щит и были обучены маневренной тактике. Во всех боях, кроме крупных заранее подготовленных сражений, они показали себя самыми эффективными пешими подразделениями, например, в 390 г. близ Коринфа уничтожили 600 спартанских гоплитов.

С созданием этих новых родов войск начала меняться и тактика. Последним крупным спартанским военачальником гоплитов старой традиции был победитель сражения при Амфиполе в 422 г. до н. э. Брасид. В 424 г. фиванский военачальник Пагонд, усилив правый фланг своей фаланги и применив конницу в качестве мобильного резерва, разгромил у Делоса афинскую армию. Наконец-то в Греции появилась передовая военная мысль. Ксенофонт отмечал, что «умное военное руководство состоит в том, чтобы атаковать там, где противник всего слабее». Армия Дионисия I Сиракузского состояла из объединенных частей

гоплитов, легкой пехоты и конницы – большой шаг вперед. Действия фаланги были революционизированы фиванским военачальником Эпаминондом в битве при Левктрах 371 г. Его тактика была простой, хотя требовала мастерства. Он считал за правило сосредоточить силы в главной точке боя, вместо того чтобы, как бывало в прошлом, расположить их так, что он повсюду оказывался слабым и нигде сильным. Стоя перед спартанской армией, он знал, что противник сконцентрирует силы на правом фланге, стремясь опрокинуть его левый фланг. Поэтому Эпаминонд выставил против спартанской фаланги косою строй. Он оттянул назад правый фланг и разместил ударную силу на левом, колонной глубиной в пятьдесят шеренг под прикрытием конницы. На удар спартанцев он ответил контрударом, одержал верх на левом фланге, сохранив достаточный резерв в центре и на правом фланге. Левктры, как и Рокруа в 1643 г. н. э., положили конец легенде о непобедимости. Действия Эпаминонда на следующий год после этой победы также свидетельствовали о его стратегической прозорливости. Из Фив он двинулся в Лаконию, освободил Мессению (основу экономической мощи Спарты) и объединил Аркадию – тем самым уравновесив то, что осталось от мощи Спарты на юге.

В 359 г. до н. э., вскоре после смерти Эпаминонда, царем Македонии стал Филипп II. Честолюбивый, склонный к авантюрам, но в то же время блестящий проницательный организатор, он считал, что города-государства Греции, не перестававшие жестоко враждовать на протяжении семидесяти лет, не объединятся, чтобы изгнать обладавшего сильной армией незваного гостя. «Силе предшествует обман, но конец вершит сила» – таков был метод Филиппа. В 338 г. до н. э. он одержал верх в сражении с Фивами и Афинами у Херонее, что в конечном счете принесло ему господство над Грецией. После этой победы Филипп предложил грекам объединиться под его главенством и напасть на Персидскую империю. Но из-за его убийства в 336 г. дальше слов дело не пошло, и его план перешел в руки наследника – Александра. Армия Филиппа и его военные замыслы послужили основой будущих побед Александра.

Пути завоеваний Александра Македонского

Основными чертами военного искусства македонцев был упор на географические факторы, мобильность и взаимодействие родов войск. Предшествовавшие сражению при Херонее операции являют собой образец маневренности. Дальние форсированные марши совершались очень редко. Путь Филиппу в Беотию был перекрыт и по западному, и по восточному

маршрутам. Для того чтобы скрыть свои намерения, он расположился в Элатее, заставив оборонявших западный проход ослабить бдительность. Затем, совершив ночной бросок к Амфиссе, нанес сокрушительное поражение 10 тысячам наемников и тем самым уничтожил крайний левый фланг растянутой оборонительной линии. Теперь он мог навязывать фиванцам и афинянам сражение. Но он не двинулся прямо на восток навстречу главным силам противника. Этот путь был прямее, но по рельефу удобнее для обороняющейся стороны. Вместо этого он повернул армию обратно к Элатее, а затем быстро спустился через перевал Паропотамию и напал на противника у Херонеи.

Его руководство боем впервые продемонстрировало, что одна из греческих армий освоила успешное взаимодействие родов войск на поле боя. Противник выстроил сплошную линию, фланги которой защищали возвышенность и река. Филипп проделал в этой линии брешь путем трудного маневра – отступления с боем на правом фланге своей хорошо обученной фаланги. Левый фланг противника выдвинулся вперед, тогда как правый цеплялся за естественную защиту. Как только образовалась брешь, Филипп предпринял решающий удар, двинув слева конницу под командой 18-летнего сына Александра. В тот же момент пошла в стремительную атаку всей своей мощью фаланга.

Македонская армия, которой после смерти отца командовал Александр, была, как никогда раньше в Греции, превосходно организована, вооружена и обучена. Филипп объединил прежних македонских рекрутов и собственные царские вассальные войска в единую силу, включавшую все рода войск, в которой «территориальная армия» служила тактической опорой решающих действий «царской армии». Последняя состояла из двух элитных частей – кавалерии сподвижников и гипаспистов. Македонские конники всегда были на высоте, и теперь их роль в бою состояла в нанесении решающего удара на флангах или в бреши в тот момент, когда противника останавливала фаланга. Кавалерия состояла из восьми эскадронов во главе с командиром, каждый насчитывал по двести – триста конников. Они носили кирасы и были вооружены коротким копьем. Гипасписты были пешими воинами, вероятно вооруженными как гоплиты, но считавшимися профессиональной элитой. Их главное назначение состояло в том, чтобы в ходе боя обеспечивать тактическую связь между конницей и остальной фалангой. Но иногда они также двигались вслед за конницей, участвовали в ночных бросках и в штурме укреплений. Они подразделялись на три батальона по тысяче человек каждый. Царскую гвардию составляли батальон гипаспистов и эскадрон кавалеристов. Сам Александр обычно становился во главе кавалеристов, но время от времени возглавлял гипаспистов и фалангу, а однажды даже лучников.

Территориальная армия состояла из основной части пехоты – фаланги. В нее входили сначала шесть, а позднее семь подразделений, каждое из 1536 воинов, разделенных на отряды из 512 человек, в свою очередь разбитых на шеренги из 16 воинов. Во главе каждого большого подразделения стоял командир, Филипп первым в греческих армиях ввел у себя командную иерархию. Он также по-новому вооружил гоплитов, уменьшив размер щита и заменив 8-футовое копье 13-футовой пикой. Фаланга выполняла подчиненную, но чрезвычайно важную функцию – удерживать противника, когда конница наносит решающий удар. Имея такую твердую поддержку, сподвижники Александра могли побивать персидскую конницу, которая мало в чем уступала им. Филипп и Александр также набирали личный состав из населения подвластных и союзных государств, важнейшую роль здесь играли фессалийская тяжелая конница, фракийские копейщики, критские лучники и агрийские копьеметатели. Александр был первым военачальником, полностью включившим легко вооруженных воинов в другие рода войск; они хорошо проявили себя против персидских колесниц и в операциях против горных племен. Он также все больше доверял наемникам охрану коммуникаций, а в последние годы своей кампании создал конное войско из кочевников восточного Ирана.

Осадное снаряжение Александра состояло из башен, таранов, навесов и катапульта и никогда не отказывало. Он первым из военачальников применил полевые метательные снаряды. Орудия разбирали на части и во всех его кампаниях перевозили на вьючных животных. К сожалению, мало что известно о его системе снабжения. Вместе с армией перемещались военные инженеры, специалисты по водоснабжению, горному и военно-морскому делу, топографы, географы, ботаники, врачи, секретарский персонал и официальный историк.

В результате появилась самая гармоничная и могущественная армия античного периода – армия, способная воевать в любой местности и против любого противника. Особенностью военного мастерства македонской армии под командованием Александра было сочетание твердой как скала фаланги с легкой и тяжелой конницей. Персам, чье главное преимущество сводилось к численности, было не по силам противостоять маневренным ударам конницы, имевшей надежную опору в объединенной с ней пехоте. Численность сама по себе была бесполезна против непоколебимой твердости, стрельбы метательными снарядами, ударной тактики и первоклассного руководства.

336-й и 335 г. Александр посвятил укреплению внутренней базы. Варваров оттеснили за Дунай, после того как его войска ночью переправились через реку на плотках, сооруженных из набитых соломой палаточных чехлов. Затем в 334 г. он вторгся в Малую Азию с 30 тысячами пеших и 5 тысячами конных воинов и 160 судами и почти не имея денежных средств. За девять лет ему было суждено покорить Персидскую империю от Дарданелл до Пенджаба. Александру благоприятствовали безволие Дария III и хаотическое состояние империи, но численность населения и богатства персов были неисчислимы.

Дарий не ожидал вторжения, и Александр встретил только наспех собранное небольшое войско, которое он наголову разбил в сражении у реки Граник, получив тем самым контроль над западной частью Малой Азии. После этого он двинулся вокруг Малой Азии, застав врасплох оборонявших Киликийский проход. Его цель состояла в том, чтобы обеспечить коммуникации, прежде чем двинуться дальше на восток и устранить сильный персидский флот, лишив его баз. Он завоевал большую часть страны благодаря мягкости обращения с покоренными. Кроме того, поддержав демократические движения в городах, он склонил многие экипажи персидского флота к дезертирству. Зимой 334/33 г. он отпустил домой в отпуск многих женатых воинов – человеческий жест, завоевавший преданность солдат.

Быстро продвигаясь через Киликию к Тарсу и обогнав главные силы, Александр единожды просчитался. Дарий, искавший боя, обошел его и перерезал ему коммуникации. Но в ноябре 333 г. до н. э., при Иссе, Александр одержал еще одну победу. В его руки попала казна Дамаска, и тем самым закончились его финансовые заботы. В этот период он не стал преследовать непосредственно Дария, а сосредоточился на уничтожении других баз флота противника в Финикии. Марафон, Библ и Сидон сдались быстро. Труднее было с Тиром.

Осада Александром Тира была самой значительной осадой античности. Тир надо было обязательно взять, потому что тогда был бы полностью обеспечен контроль над Эгейским морем и открыт путь в Египет. Однако взятие города создало ряд труднейших проблем. Построенный на скале в полумиле от берега, он был окружен стеной, местами достигающей высоты 150 футов. С восточной стороны находились две гавани – северная называлась Сидонской, а южная Египетской.

Осада началась в январе 332 г. до н. э. Александр и его главный инженер Диад начали с сооружения мола от берега к скале. Сначала дело продвигалось легко. Но, удаляясь от берега, рабочие стали страдать от сильных ветров и обстрелов со стен и тирских кораблей. С большим трудом воины Александра перетаскивали две осадные башни на край мола. Они были 150 футов высотой и покрыты шкурами для защиты от горящих стрел. Установленные на разных ярусах катапульты обстреливали стоявших на стенах защитников города и неприятельские галеры. В ответ на приступ тирцы направили к молу два брандера, загруженные

смолой, серой и древесной стружкой. Когда башни сгорели, они совершили вылазку на лодках и разобрали остатки мола. Александр понял, что ему придется иметь дело с достойным противником, и, приказав строить мол побольше, отправился на север собирать флот.

Финикийские города всегда смертельно враждовали, и Александру не потребовалось много времени, чтобы собрать для борьбы с тирцами флот из 220 судов. Но когда он вернулся, царь Тира Аземилк отказался вступать в сражение. В результате Александр блокировал обе гавани, хотя без подходящей якорной стоянки это оказалось трудным делом. К тому времени был построен новый мол и установлена еще одна группа осадных башен с таранами и катапультами. Поскольку с мола можно было обстреливать только 200 ярдов городской стены, Александр установил осадные орудия также на суда, которые могли ходить вокруг скалы. Но тирцы были наготове. Набросав в море крупных камней, они сделали невозможным вплотную подойти к острову, а град горящих стрел изматывал противника. Когда же Александр подтянул суда для удаления подводных препятствий и военные корабли для охраны, тирские ныряльщики обрезали якорные канаты. Тогда он поставил якоря на цепях, на этот шаг защитники города не нашли ответа. Потом тринадцать тирских военных кораблей, выйдя из Сидонской гавани, застигли врасплох флот Александра, когда экипажи принимали на берегу пищу. Несколько его кораблей были уничтожены. Но Александр отреагировал молниеносно. Он приказал блокировать Египетскую гавань, а сам с несколькими кораблями обошел Тир, зашел в тыл противника и отбил атаку. К тому времени суда со стенобитными орудиями нашли слабое место в стене к югу от Египетской гавани. Начался решительный штурм. Когда была проделана достаточная брешь, Александр направил туда два транспорта с мостами и штурмовыми группами. Сам вместе с Адметом повел в бой царскую гвардию гипаспистов. После семимесячной осады Тир пал. Разгневанными демонстративными расправами защитников города над попадавшими к ним в плен воинами Александра греки в ответ убили 8 тысяч тирцев и более 30 тысяч продали в рабство.

Греки в армии Александра думали, что с завоеванием Малой Азии цель войны будет достигнута. Но он смотрел шире. Сначала прошел через Сирию и Египет. Эти страны покорились сравнительно легко. Затем повернул в сторону Персии.

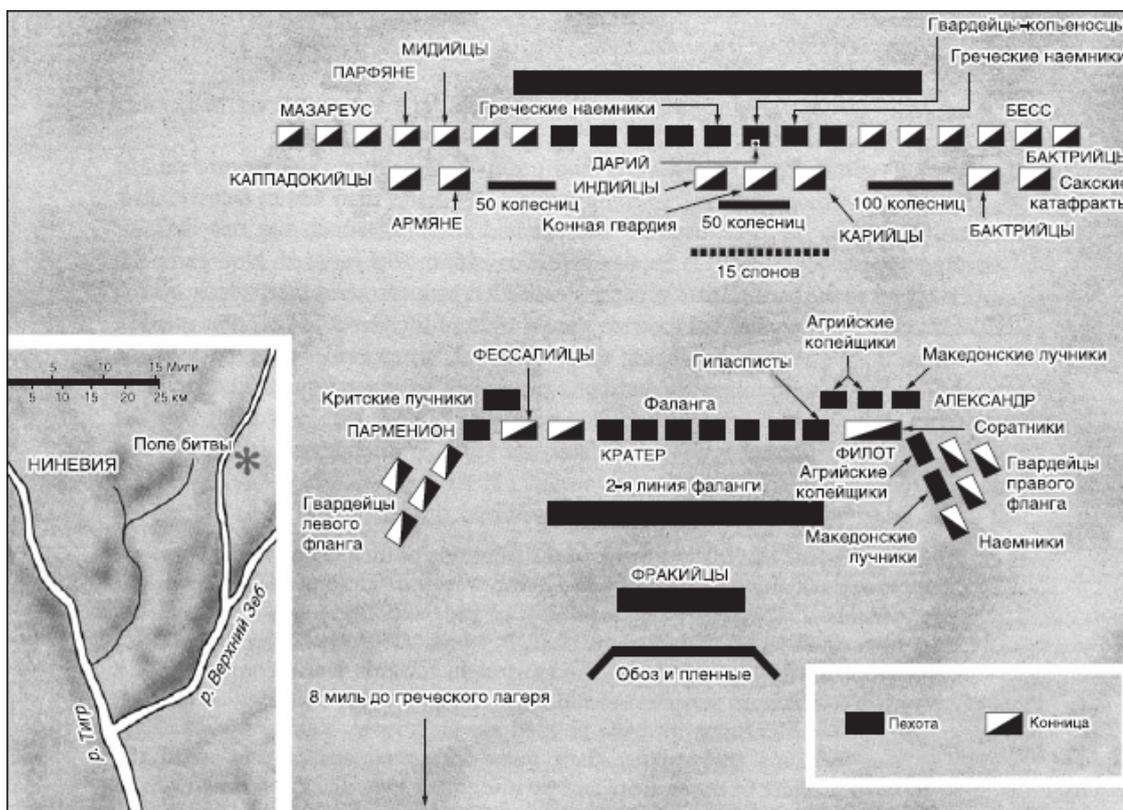
В июле 331 г. до н. э. Александр переправился через Евфрат и двинулся на северо-восток к Тигру. 23 сентября разведка доложила, что армия противника расположилась лагерем на равнине близ Гавгамел. Лучшей тактикой для персов было бы изматывать вторгшуюся армию, не вступая в большое сражение. Однако Дарий решил сражаться. Александр был доволен.

За двадцать месяцев после Исса персы предприняли попытку создать приличную армию. Но они задолго до этого отказались от способов ведения войны, благодаря которым в VI в. до н. э. была завоевана империя. За исключением небольшой царской гвардии, пехота теперь состояла лишь из необученных рекрутов и не поддающихся дисциплине племен. Самой лучшей единицей персидской армии была конница, снаряженная кольчугами, копьями и длинными мечами. В дополнение к коннице Дарий вернул давно не использовавшиеся колесницы, но на подготовку возничих не хватало времени. Беда персидской армии, по выражению Фуллера, заключалась в «избытке мобильности и нехватке стабильности». К тому же Дарий в качестве главнокомандующего был для нее обузой. Армия включала двадцать четыре народности и численно явно превосходила противника.

Стратегия персов диктовалась составом их армии. Поле у Гавгамел было тщательно выровнено, дабы как можно лучше подходило для колесниц. Дарий воспользовался численным превосходством и растянул фронт, создав два мощных фланга за счет конницы. Сам он командовал центром, расположившись позади тысячи конных гвардейцев, а также индийских и карийских конников. При нем находились единственные обученные пехотинцы, гвардейцы-копьемосцы и 2 тысячи греческих наемников-гоплитов. На левом фланге под коман-

дованием Бесса сосредоточились конные части из восточных провинций империи, включая тысячу тяжеловооруженных конников с Яксарта, известных как «сакские катафракты». Справа, под командованием Мазеуса, располагалась западная конница, включая каппадокийцев. Пехотные части находились в тылу кавалерии. Вперед было выдвинуто около двухсот колесниц. В центре персидской позиции стояли пятнадцать слонов. Кони не любят встреч со слонами, и, если бы Дарий знал, как использовать своих слонов, они были бы весьма полезны против конницы Александра.

У Александра в ту пору была самая многочисленная армия, которая когда-либо находилась под его командованием. Он набрал некоторое количество греческих наемников, усилил конницу еще тремя подразделениями, доведя численность личного состава до 40 тысяч пехих и 7 тысяч конных воинов. Было ясно, что его обойдут с флангов и что первый эшелон персидских колесниц и конницы атакует всеми силами в самом начале сражения. Поэтому Александр избрал оборонительный порядок. Передняя линия состояла из фаланги шириной лишь в половину фронта противника, подкрепленной глубокими колоннами на флангах. В центр он поставил шесть батальонов фаланги и гипаспистов. Слева от центра под командованием Пармениона разместились фессалийская конница, половина конницы союзников, часть лучников и наемная пехота. Справа стояли главные силы, кавалерия под командованием Филота, другая часть конницы, а перед ними копьеметатели и половина македонских лучников. На левом краю располагалась колонна другой части конницы союзников, на правом – конница, остальные лучники и агрийские копьеметатели. Второй эшелон наемных гоплитов должен был помешать персидским флангам обойти войско Александра с тыла. Позади них под охраной фракийской пехоты находились обоз и пленные.

Битва при Гавгамелах

Боевые порядки Александра были прекрасно продуманы. Позже таким правилом боя пользовался Наполеон – «хорошо обоснованная и всесторонне продуманная оборона, за

которой следует стремительное и смелое наступление». Вопрос состоял в том, что скорее скажется на исходе сражения – шаткая позиция персов или слабость греческого левого фланга. Дарий продержал своих воинов под ружьем всю ночь накануне сражения, отчего они устали еще до начала боя.

Александр же, определив диспозицию, хорошо выспался до позднего утра 1 октября 331 г. Выведя армию на поле боя, он увидел, что кавалеристы оказались против колесниц, так что он отклонил ее вправо, а перед колесницами поставил пехоту. В результате этого маневра кавалеристы оказались на самом краю выровненного участка. Дарий понял, что должен остановить продвижение противника вправо, иначе от колесниц не будет пользы, и двинул против края правого фланга Александра сакских катафрактов и следом бактрийскую конницу. Завязался тяжелый бой, в течение которого Александр умело вводил одну за одной свежие части. Но только некоторое время спустя персов остановили кавалеристы гвардии, а затем оттеснили копьеносцы.

Тем временем началась атака персидских колесниц. И закончилась полным провалом. Град копий внес в их ряды сумятицу, кони испуганно заметались, многие возничие погибли; когда же те, что остались, достигли фаланги, гипасписты разомкнули ряды и пропустили колесницы сквозь строй – дело завершил второй эшелон пехоты.

Увидев, что Александр ввел в бой на правом фланге свой последний маневренный резерв, Дарий подумал, что дела у Бесса обстояли лучше, чем было на самом деле. В результате он решил, что пришло время начать два решающих охватывающих маневра. Весь строй персидской кавалерии перешел в наступление. Этот момент оказался переломным для всей битвы. Вместо того чтобы всеми силами левого фланга атаковать кавалерийскую гвардию, персы двинулись на самый край правого фланга греческой армии. Этот просчет, возможно, произошел из-за неправильно понятого приказа или, как предполагает Фуллер, склонности конницы действовать привычным путем – как это случилось с некоторыми французами при Ватерлоо. Возможно, кони не выдержали обстрела снарядами в центре. Как бы то ни было, в рядах персов появилась брешь.

Ариан описывает, как Александр моментально ухватился за благоприятную возможность:

«Когда в результате того, что конница ринулась помогать обходившим (греческий) правый фланг, в передних рядах персидской армии образовался прорыв, Александр повернул в брешь и, сформировав клин из гвардейской кавалерии и стоявшей там части фаланги, под громкие боевые кличи повел их в стремительную атаку, направляясь прямо к Дарию. Последовал короткий рукопашный бой, но, когда македонская конница под командованием самого Александра продолжала решительно пробиваться сквозь ряды персов, поражая их в голову своими копьями, и когда македонская фаланга плотным строем, ошестинившись длинными пиками, тоже двинулась в атаку, все это, вместе взятое, показалось Дарию настолько ужасным, что он первым бросился бежать».

Однако сражение еще не было выиграно, потому что продвижение четырех батальонов фаланги следом за кавалеристами создало брешь в греческом строю и в нее ринулась персидская конная гвардия, разрезав фалангу надвое. Большинство конников проскакали дальше и принялись грабить обозы в тылу, упустив возможность помочь Мазеусу разгромить греческий левый фланг. Однако части под командованием Пармениона на греческом левом фланге были окружены. Парменион обратился за помощью к Александру. Призыв достиг последнего, когда тот развивал победное наступление на левом фланге персов. Показательно его необыкновенное владение обстановкой – он немедленно повернул свою кавалерию и повел

ее на другую сторону поля боя. Здесь он натолкнулся на возвращавшихся вместе с парфянскими и индийскими конниками персидских гвардейцев и завязалась самая ожесточенная за все сражение схватка конницы. Но до персидского войска стала доходить весть о бегстве Дария, и бойцы упали духом. Оттесненные назад на левом фланге фессалийцы снова перешли в атаку, на этот раз успешно. Правый фланг персов распался, хотя левый под командованием Бесса отступил, сохранив порядки.

Александр отдал приказ о немедленном общем преследовании, он твердо решил не дать противнику реорганизовать армию. Его воины преследовали персов на протяжении 35 миль, до самой Арбелы, останавливаясь только на короткий отдых в полночь.

Гавгамелы были одной из величайших битв в мире не только как классический пример военного таланта Александра, но и по своим историческим последствиям. Победа под Гавгамелами открыла путь в глубь Персидской империи и превратила Александра во властелина Азии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

После Гавгамел Александр двинулся к крупным персидским центрам – Вавилону, Сузам и Персеполю. Все они сдались без сопротивления. Затем в 330 г. он отправился завоевывать Восток. В начале лета 326 г., после четырех лет сражений, в которых он и его армия совершили не один подвиг, Александр дошел до Инда. Преследуя Дария в направлении Каспийского моря, он покрыл 400 миль за 11 дней, а затем посадил на коней 500 фалангистов, чтобы за ночь продвинуться еще на 50 миль. В 329 г. он разгромил кочевников на Оксусе, обстреляв их из установленных на лодки катапульт, а затем атаковав силами тяжелой конницы при поддержке копьеметателей и лучников. Зимой 328 г. воины Александра захватили крепость на Согдианской скале, вскарабкавшись на 300 футов по заснеженному склону с помощью канатов. В 327 г. он с 27 тысячами воинов пересек Гиндукуш и после тяжелых боев на следующий год достиг реки Гидасп. Здесь он одержал четвертую из своих великих побед. Сначала ему пришлось форсировать реку, а затем бороться со слонами, которые вывели из строя его конницу.

Но вскоре, у реки Биас, армия Александра взбунтовалась и отказалась двигаться дальше. Миновало восемь лет с тех пор, как воины покинули Грецию и прошли за это время 17 тысяч миль. Александр повел их обратно в Сузы, куда они пришли весной 324 г. Этот последний этап войны оказался самым тяжелым. Александр был ранен и в июне 323 г. до н. э. в возрасте 33 лет скончался.

Бесспорно, Александр принадлежит к когорте военных стратегов самого высокого полета. Но также он обладал великим даром – куда бы ни приходил с войной, везде вводил новые критерии гуманности и терпимости. В Эфесе он поддержал демократов, в Карию отнесся с уважением к матриархальному строю, всегда старался не оскорблять религиозные чувства своих подданных. В Вавилоне, например, Александр восстановил храм Мардука, разрушенный Ксерксом. Утверждают, что он основал в своей империи семьдесят новых городов. С его именем связана эллинизация Ближнего Востока. Но величие Александра прежде всего состоит в том, что он отошел от традиционных представлений о том, что цивилизованная Греция должна держаться в стороне от варваров, населяющих остальную мир. Жрецу Амона в Египте он говорил, что Бог – это «отец всех людей», а в 324 г. на большом пиру в Опесе вместе сидели около девяти тысяч представителей каждого народа, входивших в его империю. Мечта Александра не сбылась: как только личность его масштаба ушла со сцены, империя распалась. Но мечта эта была одной из великих вех в развитии цивилизации.

После Александра греческие войска излишне усложнились, все больше стали использовать слонов. Они могли успешно действовать против конницы и против войск, не встречавшихся с ними прежде, – как в битве при Гераклее в 280 г. до н. э., когда царь Эпира Пирр печально дорогой ценой одержал победу над римлянами. Но большой пользы слоны не при-

несли, а эллинское военное искусство не превзошло того высокого уровня, что был достигнут при Александре.

Глава 4

ЭКСПАНСИЯ РИМА

Рим, согласно легенде, был основан в 753 г. до н. э. Через 500 лет он господствовал на итальянском полуострове, а через 750 лет правил Западной Европой и Средиземноморьем.

О римской армии до IV в. до н. э. известно мало. Однако к VI столетию до н. э. римляне стали вооруженной нацией. В истории Рима развитие военного дела и общественное устройство основательно влияли друг на друга. Все граждане мужского пола от 17 до 46 лет подлежали военной службе, а от 46 до 60 находились в запасе. Тактика римлян в это время почти определенно соответствовала обычной тактике греческих гоплитов.

Жестокое поражение от галлов при Аллии в 391 г. до н. э. вызвало необходимость начинать все сначала, и по инициативе Марка Фурия Камилла Рим был заново укреплен, а армия перестроена. Она по-прежнему состояла из призванных на службу граждан, оплачиваемых за время службы, но фалангу заменил легион. Главным родом войск в легионе была тяжелая пехота, он также включал конницу и велитов (малоимущих граждан, хуже снаряженных). Пехота выстраивалась в три эшелона – впереди гастаты, за ними триарии и в тылу триарии. Каждый из этих эшелонов разбивался на 10 подразделений, называвшихся манипулами (горстями), легкая пехота чередовалась с манипулами тяжелой пехоты. Вся пехота в легионе выстраивалась в шахматном порядке, манипулы второго ряда прикрывали интервалы между манипулами первого, а третьего – интервалы второго. Каждый эшелон, по-видимому, был глубиной в четыре шеренги, первые две состояли из 1200 воинов каждая, или по 120 воинов в манипуле, а триарии из 600. Конница располагалась на флангах и насчитывала по 300 воинов в 10 подразделениях. Позднее численность легиона возросла до 6000, а войска стали все больше пополняться за счет итальянских союзников.

Гастатов и триариев защищали бронзовый шлем и кирасы, а также полуцилиндрический прямоугольный щит. Оружие состояло из двух метательных копий, кинжала и остроконечного обоюдоострого меча длиной два фута. Триарии были вооружены подобным же образом, только вместо метательных копий у них были ручные. У велитов были меч, два метательных копья и круглый щит, на головах головной убор из волчьей шкуры. Копье можно было метать с помощью ремня, прикрепленного к древку ниже центра тяжести; он придавал копью в полете вращательное движение, тем самым увеличивая дальность и точность. Конница легионеров была вооружена скудно – кожаный щит, пика и меч.

Достоинство построения манипулами состояло в том, что позволяло эластично обороняться и гибко атаковать. Атаку легиона начинали велиты, которые в качестве легковооруженных застрельщиков прикрывали продвижение вперед тяжелой пехоты. Когда гастаты достигали нужного расстояния, они метали копья и незамедлительно продвигались дальше, чтобы поразить противника мечами. Во время боя задние ряды обеспечивали поддержку тем из переднего ряда, кто падал или уставал. Легионеры усиленно упражнялись в выполнении маневра по замене одного ряда другим, который со свежими силами продолжал атаку. Если дела складывались плохо, гастаты и триарии могли образовать один эшелон и отступить сквозь позиции триариев, которые тогда образовывали фалангу. Третья и окончательная атака вполне могла иметь победоносный исход. Применяя этот способ, римляне демонстрировали высокий уровень подготовки и дисциплины. Система трех эшелонов хорошо сказывалась на боевом духе войск, поскольку две трети воинов как можно дольше находились вне опасности, а передний эшелон в случае неудачи имел хорошую возможность благополучно отступить. Конница использовалась для разведки и преследования и не принимала участия в классическом маневре легиона, и зачастую конники воевали в пешем строю.

О римлянах говорили, что они были самой укрепленной армией в истории. Легион всегда опирался на укрепленный лагерь. Размеры и форма лагеря варьировались в зависимости от местности, но, если позволяли условия, он строился квадратным и достаточно большим, чтобы вмещать два легиона. Лагерь ограждался крепостными валами, частоколами и рвами. Римляне не жалели труда на сооружение этих лагерей по двум соображениям. Во-первых, они ценили безопасность и комфорт. В лагере они уделяли много времени боевой и физической подготовке, дабы выработать стойкость и способность держать боевые порядки – качества, необходимые для действий легиона. Во-вторых, легионы обычно не вступали в бой, если поблизости не было укрепленной территории, где можно было укрыться в случае неблагоприятного исхода сражения. В результате неудачи никогда не оборачивались катастрофами.

Кроме оружия римским воинам на марше приходилось нести значительный груз – включая шанцевый инструмент и кухонные принадлежности. Питались они не особо сытно. Мясо было редкостью, основным продуктом питания в лагере были пресные пшеничные лепешки, которые пекли на горячих камнях или на углях.

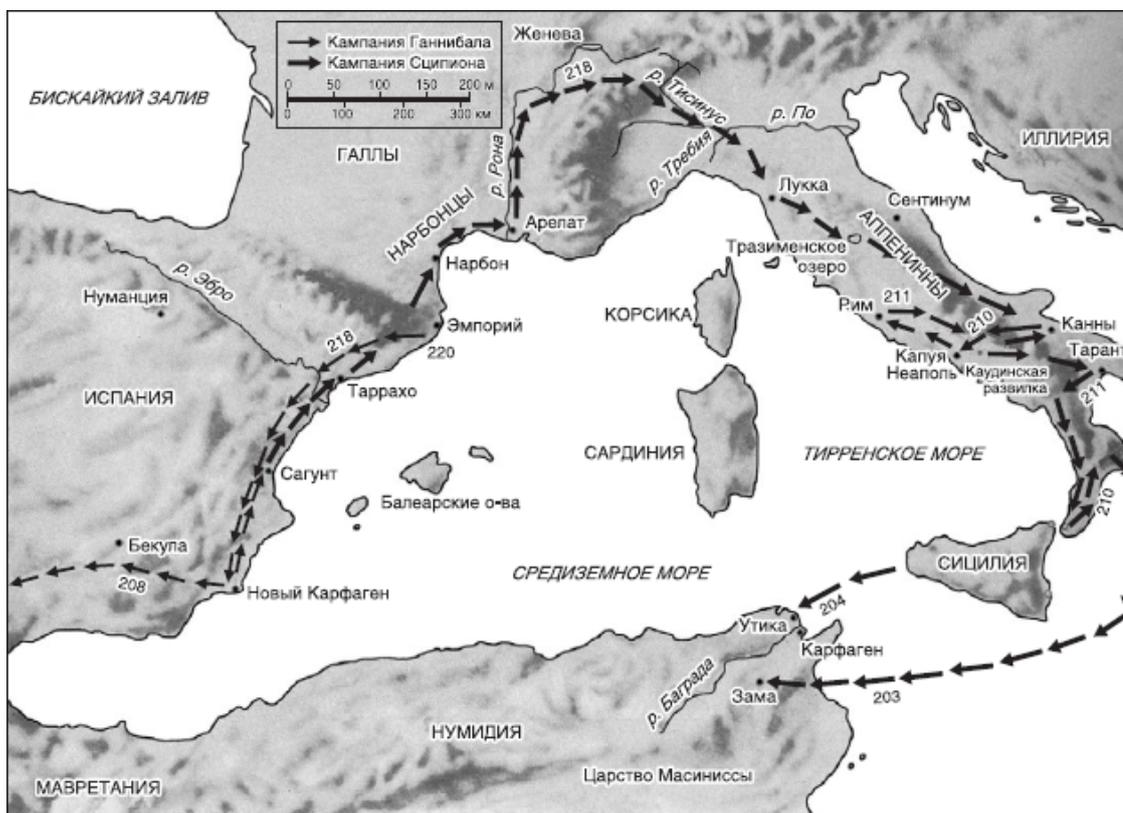
Армией командовали два консула, избиравшиеся ежегодно. Обычно это были политики, не имевшие никакой командной подготовки. Такое своеобразное парное командование было задумано, чтобы уменьшить возможность тирании военных, но с военной точки зрения было абсурдом. В Древнем Риме не было класса офицерской аристократии. Каждую манипулу, основное тактическое подразделение, возглавляли два центуриона, опытные воины, принадлежавшие к тому же социальному слою, что и рядовые. Таким образом, боевыми действиями легиона руководили испытанные профессионалы, хорошо знавшие своих подчиненных. Полибий характеризует центурионов «не столько как безрассудных храбрецов, сколько как людей, обладающих командным даром, надежных и твердых духом... которые будут стойко держаться перед лицом превосходящего противника или непреодолимого давления и скорее умрут, чем покинут свое место». Они были стойкими и смелыми, разбирались в войне и считали ее работой, которую надо выполнять. И все кампании заканчивались успешно для Рима в значительной мере благодаря тому, что у него воспитывались первоклассные младшие командиры и рядовые воины.

На протяжении более 700 лет начиная с середины IV в. до н. э. структура легиона существенно не менялась.

К середине III в. до н. э. Рим с его растущими политическими и торговыми интересами столкнулся с притязаниями Карфагена, богатейшего города Запада. Первая Пуническая война (265 – 241 гг. до н. э.) закончилась в пользу Рима. Но к 220 г. мощь Карфагена стала возрождаться в Испании, и в 218 г. до н. э. 29-летний карфагенский генерал Ганнибал перешел через Пиренеи, чтобы завоевать Италию. Во Вторую Пуническую войну (218 – 201 гг. до н. э.) Рим и Карфаген были равны по военной мощи, и каждая сторона знала, что нет иного выхода, кроме победы.

Ганнибал обстоятельно изучил эллинские и римские способы ведения войны и уже три года командовал армиями. Он пересек Пиренеи с разношерстной армией в 40 тысяч человек и 37 слонов. Армия в основном состояла из наемников, набранных в Африке, Испании и Галлии. Ее сплачивали лишь руководство Ганнибала и надежда пограбить. Главной составной частью была пехота, оснащенная короткими мечами, копьями, щитами и легкими доспехами. Самыми лучшими воинами были нумидийские конные копьеметатели под командованием блестящего командующего кавалерией Махарбала. Полибий пишет, что «армия брала не столько численностью, сколько умением воевать и поразительной физической подготовкой». На протяжении всей войны римляне численно превосходили карфагенян. К 217 г. число легионов возросло с пяти до одиннадцати, а на последнем этапе войны их было более двадцати – 100 тысяч человек. Стратегической целью Ганнибала в войне было не сокрушение

Рима, а победное присутствие в Италии с целью подорвать его влияние в италийской конфедерации и заставить согласиться на сосуществование с Карфагеном. Он изображал освободителя, провозглашая, что «пришел воевать не с италийцами, а от их лица воюет с Римом».

Кампании Ганнибала и Сципиона

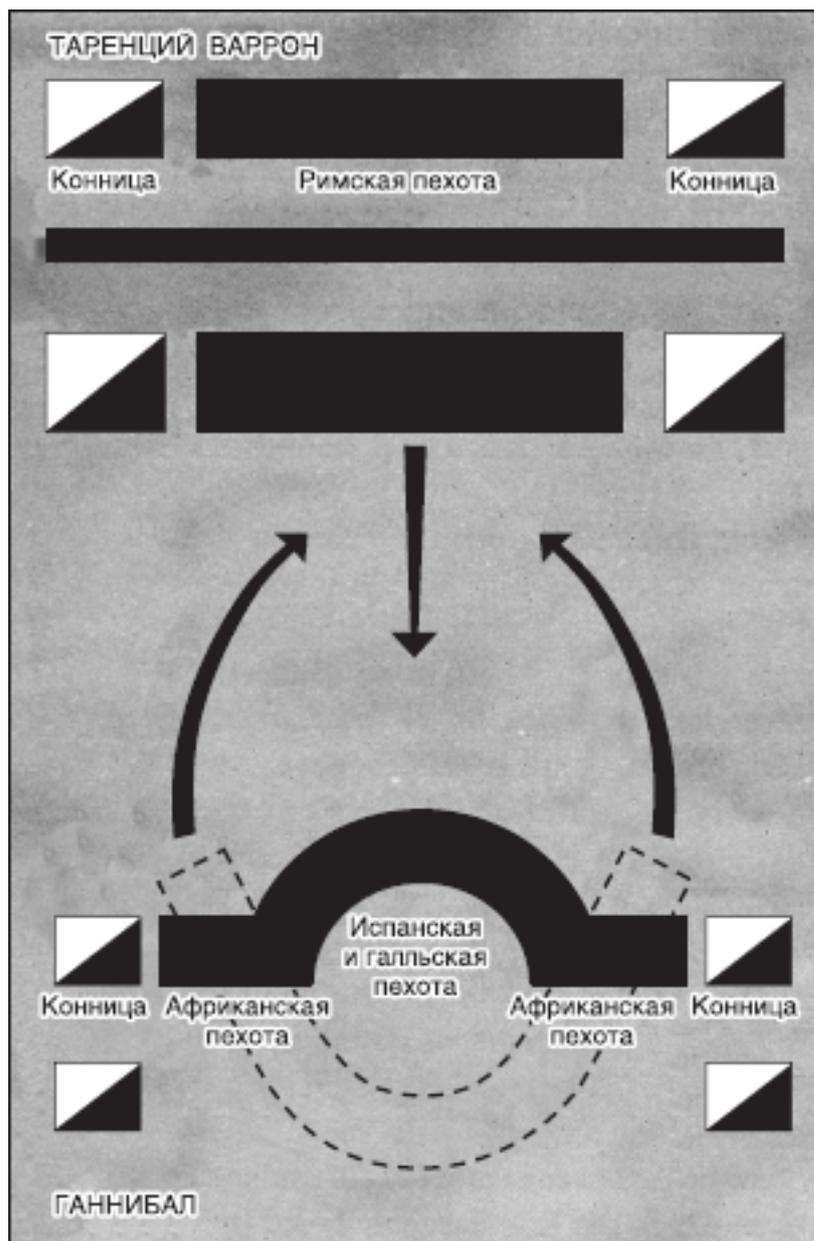
Ганнибал стремительно двинулся вдоль побережья Средиземного моря. При переходе через Альпы путь преградили местные племена и рано выпавший снег, так что, когда армия пробилась в северную Италию, ее численность сократилась до 20 тысяч человек пехоты и 6 тысяч конницы. Но в декабре 218 г. до н. э. у реки Требия он одержал первую из трех великих побед, уничтожив две трети римской армии. В 217 г. римляне решили встретить карфагенян с их превосходящей конницей не на равнине, а дальше к югу, в Апеннинских горах. Однако в апреле Ганнибал поймал противника между горами и северным берегом Тразименского озера. Римляне пренебрегли разведкой и рекогносцировкой. Скрытые туманом силы карфагенян неожиданно ударили с предгорий и за три часа уничтожили и пленили все войско противника. После этой победы Ганнибал двинулся вдоль адриатического побережья и весной 216 г. захватил римскую базу снабжения в Каннах. Здесь в августе он снова навязал римлянам битву.

Ганнибал построил свою армию в форме выпуклого полумесяца с пехотой в центре и мощными конными отрядами на флангах. Римская пехота, как обычно, построилась параллельными рядами, в тот день ею командовал консул Таренций Варрон – делец, которому подошла очередь быть генералом! Ганнибал начал сражение, обратив в бегство римскую конницу. Затем он позволил римской пехоте продвинуться вперед и потеснить полумесяц карфагенян, пока тот не стал вогнутым. В этот момент он внезапно двинул вперед расположенную слева и справа африканскую пехоту и повернул оба крыла внутрь вокруг римских флангов. Битва завершилась, когда вернувшаяся с преследования конница напала на рим-

лян с тыла. Атакованная со всех четырех сторон, римская армия, как писал Фуллер, «была поглощена словно землетрясением».

После Канн большая часть южной Италии перешла на сторону карфагенян; но значительное ядро римской территории держалось твердо, а римский флот несомненно правил морями. Махарбал убеждал Ганнибала сразу двинуться на Рим. Тот отказался. Как мы уже писали, его стратегия не заключалась том, чтобы воевать насмерть, а просто заставить Рим пойти на мировую. Во всяком случае, ему недоставало сил для серьезной осады. Последовала война на изнурение, в которой римляне, которых большей частью возглавлял Квинт Фабий Максим, старались избегать решительных сражений. Они воспользовались своими укреплениями и численным преимуществом, дабы измотать войско Ганнибала и удерживать его на юге Италии, но не отваживались на него нападать. Победа на море в 208 г. до н. э. обеспечила Риму абсолютное превосходство на Средиземноморье и открывала возможность вторжения в Африку в будущем.

Этот поворот фортуны в пользу Рима в Италии через десять лет после Канн совпал с успехами на испанском фронте. Армию послали в Испанию в 218 г., и поначалу дела шли хорошо, но к 211 г. римлян оттеснили севернее Эбро. В 210 г. командование в Испании перешло к 25-летнему Публию Корнелию Сципиону. Сципион Африканский станет самым выдающимся из римских полководцев.

Битва при Каннах

В конце 210 г. Сципион высадился в Испании в Эмпории. С ним прибыло 10 тысяч пеших и 1000 конных воинов, с помощью которых потрепанная римская армия была доведена до четырех легионов. Сципион сразу принялся за формирование армии и повышение боевого духа своих воинов, а затем предпринял дерзкий эффектный маневр, наложивший отпечаток на весь ход войны. Вместо того чтобы вступать в бой с одной из трех находившихся в Испании армий противника, он решил двинуться прямо на Новый Карфаген, их главную базу, расположенную в 300 милях к югу по побережью. Армии противника находились в добрых десяти сутках перехода до Нового Карфагена, и Сципион рассчитал, что у него есть время. Он со своими армией и флотом покрыл расстояние в 300 миль примерно за неделю. Крепость, расположенная на скалистом мысу, считалась хорошо укрепленной, но Сципион застал защитников врасплох. Преодолев со своими людьми лагуну, он поставил штурмовые лестницы к самому слабому месту стены, и Новый Карфаген был быстро взят. Таким образом Сципион захватил базу противника и обосновался на его восточном фланге и в тылу.

В 208 г. до н. э. Сципион разбил карфагенскую армию у Бекулы. Потом в 206 г., хотя и уступая в численности, он снова одержал решающую победу при Илипе. Оттянув назад слабый центр, римляне двинули вперед расположенные на флангах самые сильные легионы. Те разбили испанских рекрутов на карфагенских флангах еще до начала действий в центре, а затем повернули внутрь, решив исход сражения. Сципион преследовал войска противника до моря, где тот сдался. В 205 г., когда Испания была полностью очищена от карфагенян, Сципион вернулся в Рим.

Карфаген теперь потерял Испанию, Сицилию и Сардинию, и Ганнибал был отрезан в нижней Италии. Римский сенат намеревался задушить его армию на месте. Но Сципион предложил другую стратегию. Он выступал за то, чтобы удерживать Ганнибала на юге Италии и в это время ударить по Карфагену в Северной Африке. Сенат не проявил такого желания, но Сципион принялся набирать, организовывать и обучать свою армию. В 204 г. он высадился в Африке. С ним были 25 тысяч воинов и поддержка нумидийского царя Масиниссы, который мог предоставить ему первоклассную конницу. Ему противостояла карфагенская армия из 20 тысяч пехих, 6 тысяч конных воинов и 140 слонов.

Весной 203 г. после четырехдневного броска Сципион с одним легионом и некоторым количеством конницы настиг противника на Баградской равнине и разбил его, применив совсем не римскую тактику – решительно атаковав конницей оба фланга. Карфаген запросил мира и отозвал Ганнибала. Но когда тот летом 203 г. высадился в Африке с 15 тысячами бойцов, карфагеняне в конечном счете решили продолжать борьбу. В следующем году Сципион опустошил богатую Баградскую равнину, а осенью был встречен армией Ганнибала у Замы, в пяти днях пути к юго-западу от Карфагена. При Заме в 202 г. до н. э. состоялась последняя битва Второй Пунической войны. Обе армии насчитывали примерно по 40 тысяч человек. Силы Ганнибала, возможно, были несколько многочисленнее, но большая часть пехоты Сципиона была лучше обучена, к тому же у него было преимущество в коннице – более 4 тысяч всадников против 2 тысяч у Ганнибала.

Впервые за всю карьеру у Ганнибала не было превосходства в коннице, а это означало, что он не мог прибегнуть к тактике охвата с флангов, которая оказалась такой успешной при Каннах. Впереди своего войска он поставил 80 слонов. Пехота выстроилась в три эшелона. Первый состоял из лигурийской и галльской тяжелой пехоты, перемежающейся с мавританской легкой пехотой и балеарскими пращеметателями. Во второй эшелон он поставил части, на которые меньше всего полагался, – карфагенских и африканских новобранцев. Третий эшелон, состоявший из вернувшейся из Италии его собственной испытанной пехоты, держался в 200 ярдах позади второго, с тем чтобы не быть вовлеченным в бой, пока не наступит время решающего удара. Тысячу карфагенских конников Ганнибал поставил на правом фланге и тысячу нумидийцев на левом. Его целью было просто прорвать римский фронт. Многое зависело от слонов.

Сципион видоизменил обычный боевой порядок легиона с учетом наличия слонов у противника и собственного превосходства в коннице. Вместо построения манипул в три эшелона в шахматном порядке, он расположил их колоннами с промежутками для прохода слонов, которыми должны были заняться велиты. Промежутки между эшелонами были больше обычного, особенно далеко назад отодвигались триарии, давая возможность велитам в случае необходимости отступить между их рядами. На правый фланг он поставил основную конную силу – нумидийцев Масиниссы, а на левый – итальянскую конницу под командованием Лелия.

Сражение началось со стычки противостоящих частей нумидийских конников. Затем Ганнибал пустил в атаку слонов. Когда те, тяжело ступая, двинулись на римскую армию, Сципион дал команду по всему фронту трубить в трубы и рога. Внезапный трубный рев напугал слонов. Те, что были слева, повернули и врезались в ряды нумидийцев Ганни-

бала. Воспользовавшись замешательством в рядах отборной конницы противника, Масинисса ринулся в атаку и вытеснил нумидийцев с поля боя. В центре образование проходов в строю манипулов принесло плоды, ибо хотя слоны причинили тяжелый урон велитам, большинство слонов прошло сквозь строй римлян, не затронув тяжелую пехоту. Некоторых копьями римской конницы повернули назад в сторону правого фланга карфагенян. Лелий, как и Масинисса, воспользовался замешательством конницы противника и бросил свою конницу на карфагенский правый фланг. Таким образом, конница Ганнибала с самого начала была изгнана с поля боя и его фланги оказались оголенными.

Римская конница далеко отогнала карфагенскую, а тем временем начался второй этап сражения – в бой вступила пехота. Поначалу галлы и лигурийцы Ганнибала благодаря мобильности получили преимущество, но им по существу не удалось нарушить строй римлян, которые, имея преимущество в весе, постепенно начали теснить противника. Когда же в бой вступили принципы, второй эшелон карфагенян не смог удержать фронт, и, когда галлам показалось, что их покинули в беде, они прекратили борьбу и рассеялись, оставив второй эшелон перед лицом римлян. Земля была завалена трупами и стала скользкой от крови. Какое-то время новый карфагенский фронт теснил римских гастатов. Но затем римские командиры навели порядок в рядах принципов, и, располагая более широким фронтом, римляне оттеснили второй эшелон карфагенян и раздробили его на части. Оставшиеся в живых, как и раньше, бросились укрываться за следующим эшелонном, но, как и раньше, Ганнибал не дал свежим дисциплинированным частям смешаться с потерпевшими поражение. Его испытанные триарии направили вперед копьа, и остатки второго эшелона карфагенян разбежались в сторону флангов.

Начался третий и самый ожесточенный этап сражения. Римляне уже наголову разбили два эшелона противника и несомненно были окрылены успехом. С другой стороны, за исключением триариев, все они выдержали тяжелый бой, а теперь им предстояло противостоять отборной пехоте Ганнибала, совершенно свежей и сохранившей нетронутыми боевые порядки. Сохраняя в этот момент поразительное хладнокровие, Сципион проверил состояние своих высокодисциплинированных войск. Распорядился перенести раненых в тыл, приказал переместить утомленных гастатов на фланги и перестроил принципов и триариев в единый плотный порядок по более широкому фронту, с тем чтобы выдержать удар атакующих и в то же время охватить противника с флангов. Полибий рассказывает, что после этого «обе стороны яростно набросились друг на друга. Поскольку силы, боевой дух и вооружение были примерно равны, исход сражения долгое время оставался неясным, воины упорно держали строй и падали за смертью, не отступив ни на шаг». Некоторое время бой пехотинцев шел на равных. Затем, наконец, вернулась преследовавшая карфагенян конница Масиниссы и Лелия и с тыла ударила по пехоте Ганнибала. «Большинство его воинов погибло в строю, да и из тех, кто пытался бежать, мало кто остался в живых». Битва завершилась. Конница Сципиона закрепила победу и исход войны в целом, прочесав всю сельскую местность. Сам Ганнибал спасся. Сципион не пошел походом на Карфаген, потому что не располагал осадными средствами и к тому же намеревался продиктовать скорее умеренные, чем карательные условия мира.

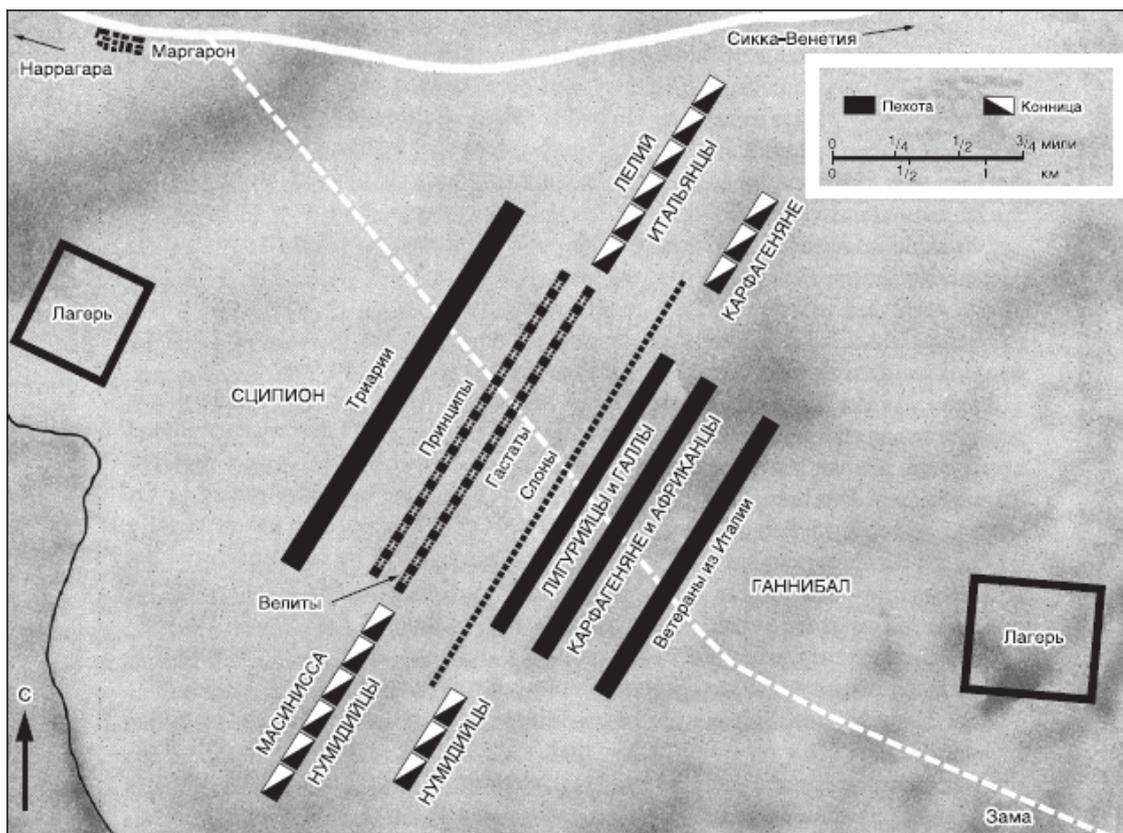
Не так просто сравнить достоинства и недостатки двух великих полководцев, противостоявших друг другу в сражении при Заме. Ганнибал, возможно, был сильнее в тактике, его тактический талант в битве при Каннах безусловно сравним с руководством любым сражением в истории военного искусства. Армия Ганнибала по боевой подготовке уступала армии Сципиона – значительная часть его пехоты была лишь полубучена, и он значительно уступал противнику в численности конницы. Ему пришлось рискнуть, используя слонов, ибо все зависело от того, как они себя поведут. В данном случае они катастрофически его подвели. И тем не менее, даже после этого, придержав до самого конца свою лучшую пехоту

и вынудив римскую пехоту потратить силы на его второстепенные войска, он почти выправил положение. Сципион у Замы не допустил ни одной ошибки, а его хладнокровная перестройка войск в разгар боя была мастерским шагом. Но даже при этом исход битвы решили ниспосланное небом в последнюю минуту возвращение конницы и боевые качества римской пехоты. Ганнибал сделал все, что мог, но к 202 г. до н. э. после 16 лет непрерывного руководства войсками, возможно, лучшая его пора миновала.

Сципион был самым нестандартно мыслящим из римских тактиков. Пешие легионы превосходили все, что до того видел мир, однако Сципион осознал, что без хорошей конницы римские войска очень много теряют, и он на время устранил этот недостаток. Но здесь, в отношении признания необходимости конницы и способов ее применения, Сципион признавал первенство за Ганнибалом. Он применял конницу по классическому образцу, заданному Александром и Ганнибалом, и его строй полумесяцем в сражении при Илипе очень походил на построение войск Ганнибала в битве при Каннах. К сожалению, при формировании конницы Сципион не готовил римских частей, а зависел от союзных и наемных всадников. В войнах II в. до н. э., когда римлянам противостояли противники, воевавшие в строю пеших фаланг, тактические уроки Сципиона были забыты.

И Ганнибал, и Сципион отличались исключительным умением обращаться с людьми. Ганнибал овладел Италией, имея армию, набранную со всех концов западного Средиземноморья. Он обучил ее и привел к великим победам. Как пишет Полибий, «на протяжении целых 16 лет Ганнибал непрерывно воевал с Римом в Италии, ни разу не давая передышки своей армии, однако постоянно держа под контролем огромную массу воинов без каких-либо признаков недовольства к нему самому или друг к другу». Оба полководца отличались бесстрашием и пользовались популярностью у своих воинов. Сципион перед сражением при Заме объехал ряды своих воинов, лично вдохновляя их.

Махарбал был прав, когда после Канн сказал Ганнибалу, что тот не знает, как воспользоваться победой. Поразительно, что он так и не создал подходящих осадных средств, если не для нападения на Рим, то по крайней мере для захвата укреплений, на которые опиралась фабианская стратегия римлян. После Канн Ганнибал утратил инициативу, дал возможность Фабию повернуть ход войны и со временем оказался в ловушке в южной Италии. Разумеется, он так и не понял важности морской мощи. Сципион, напротив, продемонстрировал свое военное мастерство оригинальностью и дальновидностью стратегии. Всякий раз, когда появлялась возможность, он наносил удары по базам противника, и всегда с огромным успехом. Его план удерживать Ганнибала в нижней Италии и нанести удар непосредственно по Африке, опустошая таким образом страну и вынуждая его оставить Италию, был образцом гениальной стратегии. Блестящим был также замысел Сципиона выманить Ганнибала на последнее сражение при Заме. Продвигаясь по богатой Баградской долине, опустошая ее по пути, он угрожал Карфагену уничтожением одного из главных источников снабжения и вынудил Ганнибала выйти из города и в то же время сократил путь для двигавшегося на помощь Масиниссы, тем самым получив ставшее решающим превосходство в коннице. В чем Сципион несомненно превосходил Ганнибала, так это в стратегии. В конечном счете это качество оказалось важнейшим, поставив Сципиона в ряд с величайшими творцами истории.

Битва при Заме

Вторая Пуническая война положила начало Римской империи, и на протяжении II и I вв. до н. э. Рим был вовлечен в непрерывные войны ради сохранения и расширения своего господства над Средиземноморьем. Надо признать, что некоторые из этих кампаний были отмечены лишь бездарностью военачальников и отсутствием дисциплины в легионах. Однако Рим процветал за счет дани с входивших в империю стран и труда рабов, и подобная экономика требовала нескончаемых завоеваний.

Хотя главным фактором в победе Рима над Карфагеном было превосходство на море и хотя Римской империи приходилось опираться на Средиземноморье, сами римляне были предпочтительно сухопутными жителями. Из военно-морской истории Рима достойны упоминания победы Дуиллия в Первую Пуническую войну и предпринятое Помпеем в 67 г. до н. э. систематичное прочесывание Средиземного моря от пиратов. Однако римляне не внесли ничего значительного в искусство войны на море.

Между 104-м и 101 г. до н. э. Гай Марий провел в армии важные реформы. С целью сделать легион более плотным, в то же время сохранив маневренность, он увеличил численность основной тактической единицы, заменив манипулу из 120 бойцов на когорту из 600 человек. Одновременно установил общую численность легиона в 6 тысяч бойцов. Таким образом, легион состоял из десяти когорт. Каждая когорта подразделялась на шесть центурий под командой центурионов. Было упразднено до того находившееся на вооружении триариев простое копьё, и все три эшелона получили усовершенствованное метательное копьё. Исчезли велиты и легионная конница, отныне вся конница и легкая пехота поставлялись союзниками. Появился более сплоченный и грозный легион, которому предстояло стать орудием завоеваний Юлия Цезаря. Марий также вручил каждому легиону штандарт с фигурой орла, новые орлы стали символами легионов, и их потеря в бою считалась величайшим позором.

Самой важной переменной, которую осуществил Марий, было расширение круга вербуемых в армию, она стала открытой для всех желавших завербоваться. Это привело к быстрой профессионализации легионов, и воздействие армии на политику было поистине революционным. Из-за того что государство не взяло на себя содержание военных, солдаты были преданы не государству, а набиравшему их полководцу. Он их снаряжал и вооружал, и они шли за ним, пока ему светил успех и имелись виды на добычу. Это нововведение открыло возможности для карьеры целому ряду воинов-политиков I в. до н. э. – Марию, Сулле, Помпею и Цезарю.

В конце 59 г. до н. э. в Рим пришло известие, что гельветы собираются перекочевать из Швейцарии на юго-запад Галлии. Как только Юлий Цезарь освободился от обязанностей консула на тот год, он поспешил в Женеvu. Цезарю тогда был 41 год. Предыдущий военный опыт был у него весьма ограниченным. В 81 г. до н. э. он служил в Малой Азии и получил венок из листьев дуба за спасение соратника при штурме Митилены. Но потом он сосредоточился на политической карьере, пробился в консулы благодаря демагогии и угрозам военной силой.

Возможно, двигаясь на Женеvu в 58 г. до н. э., Цезарь еще не имел определенного плана завоеваний. Но он был честолюбив, и, чтобы оставаться на вершине римской политики, ему нужны были слава... и армия. В начале лета 58 г. он остановил гельветов, построив 19-мильную цепь укреплений в долине Роны, а затем разгромил их при Армеси. Выставляя себя перед галлами не завоевателем, а освободителем, он затем двинулся на север от старой римской границы, чтобы очистить Эльзас от недавно вторгшихся и осевших здесь германцев. Близ Весонтиона построенные в три эшелона шесть легионов Цезаря одолели семь германских племен. Зимой 58/57 г. Цезарь расквартировал там свои легионы.

Проникновение римских войск в их страну теперь встретило антагонизм белгов, полугерманской конфедерации племен, населявших северную Галлию. Весной 57 г. Цезарь поспешил на север и на речке Эна встретил 300-тысячную армию белгов. Белги воевали, как воюют примитивные варвары, – неорганизованной пешей ватагой. Большинство располагало только длинными мечами с тупым концом и деревянными или плетеными щитами. Они дрались полуобнаженными, хотя на вождях были бронзовые латы и богато декорированные шлемы. Время от времени благодаря дикому натиску они брали верх, но обычно, пользуясь выражением Фуллера, при встрече с римлянами «храбрость разбивалась о скалы дисциплины». Раздоры в рядах белгов позволили Цезарю разбивать племена поодиночке. К концу 56 г. вся Галлия, за исключением Центрального массива, была покорена.

Осенью 55 г. до н. э. Цезарь совершил первый поход на Британию, который, по существу, был не более чем разведкой. В июле 54 г. в Ла-Манше появился, возможно, самый большой до войны 1939 – 1945 гг. флот, направлявшийся в Сандвич с пятью легионами и двумя тысячами галльских конников на борту. Бритты были слишком напуганы, чтобы воспрепятствовать высадке, и Цезарь погнал их внутрь страны. Но практически в тот же день он узнал, что его суда пострадали от непогоды. Бритты приободрились и под руководством Кассивелауна повели решительную партизанскую войну. Однако Цезарь разбил их в битве близ Brentforda и захватил опорный пункт Кассивелауна на другой стороне Темзы. Было пора возвращаться в Галлию, так что он, продиктовав умеренные условия, вернулся назад. Сто лет римляне не возвращались в Британию, дань, вероятно, так и не выплачивалась. К собственным описаниям Цезаря этих двух вторжений следует отнестись с определенным недоверием, создается впечатление, что он старается скрыть неудачу.

Цезарю давно было пора обратить внимание на Галлию, потому что во многих ее частях назревал бунт. В 53 г. до н. э. у бунтующих появился предводитель в лице вождя племени эбуронов Амбиорикса. Он уничтожил легион у Амьена, а затем на римский манер осадил один из римских лагерей. После форсированного марша Цезарь выручил осажден-

ных, но весь остаток года ушел на подавление эбуронов. Амбиорикса оттеснили в глубь Арденн, еще одного племенного вождя заporоли до смерти, а земли эбуронов систематично опустошали. Уничтожали урожай и скот и, как пишет Цезарь, «каждое встречавшееся селение, каждый дом предавали огню». Пока что раздоры между восставшими вождями давали преимущество Цезарю. Но в 52 г. появился новый вождь, способный, прежде всего благодаря чрезвычайно жестоким методам поддержания дисциплины, объединить восставшие племена. Им был Верцингеториг, вождь племени арвернов. В начале этого года Цезарь вносил замешательство в ряды противника путем стремительных бросков через заснеженные горы. Затем он осадил Аварик. Верцингеториг намеревался вести войну на истощение, избегая столкновений между своими бойцами и легионами. Он попытался деблокировать Аварик, превратив окружающую местность в дымящуюся пустыню, дабы лишить римлян продовольствия. Но Цезарь захватил город, зверски расправился с жителями и захватил запасы зерна. Наконец Цезарь застиг вождя арвернов в его крепости Алезии и начал осаду. Подвергшись нападению поспешившей на выручку Верцингеторигу большой армии, так что он сам одновременно оказался и осажденным и осаждающим, Цезарь удерживал 25 миль полевых укреплений и в итоге нанес поражение обеим армиям противника. Эта замечательная победа сломила сопротивление галльских повстанцев. Был заключен великодушный мир, и Галлия больше не беспокоила Рим.

Тем временем обстановка в Италии коренным образом изменилась, поскольку в 53 г. до н. э. с политической арены исчез Красс, видный политический деятель, с которым Цезарь был в дружеских отношениях. Вынашивая грандиозные замыслы восточных завоеваний, Красс вторгся в могучую Парфянскую империю. Парфянская армия целиком состояла из конницы. Знать, восседавшая на крупных, сильных защищенных доспехами несейских конях, сражалась наподобие средневековых рыцарей, закованная в доспехи и поражающая врага копьями. Масса их вассалов составляла легкую конницу, вооруженную специально укороченными луками для стрельбы сидя в седле. Они были обучены выполнению знаменитого парфянского маневра, когда, поворачивая от противника в притворном бегстве, они стреляли вверх конского крупа. Красс встретил конницу противника из 11 тысяч всадников под командованием Сурена у Карр. Следуя своей обычной тактике, парфяне выманили вперед его авангард, а затем развернулись, чтобы окружить его и уничтожить. Главные силы римской пешей армии выстроились квадратом и стояли насмерть под стрелами более мобильного противника. Из 36 тысяч римлян уцелели только около 10 тысяч.

Таким образом, когда осенью 50 г. Цезарь вернулся в Италию, они с Помпеем встретились один на один и гражданская война стала неизбежной. У Цезаря была победоносная и преданная ему армия из девяти легионов. У Помпея было десять, семь из них находились в Испании, кроме того, он господствовал на море. Вероятность получить поддержку народа была предпочтительнее у Цезаря. В январе Цезарь, выбрав для себя войну, переправился через реку Рубикон и решительно двинулся к югу. Помпей с 62 г. не ведал настоящей войны и, имея в своем распоряжении плохо подготовленное войско, не желал ввязываться в сражение с покорителем галлов и его ветеранами, так что в конце марта, преследуемый по пятам Цезарем, он переправил свою армию по морю в Македонию. За десять недель после перехода через Рубикон Цезарь овладел Италией. В апреле 49 г. Цезарь отбыл в Испанию и там за семь месяцев без кровопролития подчинил себе семь легионов Помпея – после форсированного марша зажал противника в ущелье близ Илерды. В январе 48 г. он со своей армией появился в Македонии – проскользнув мимо патрулировавших судов Помпея и высадив на берег семь легионов. Осажденная в Диррахии армия Помпея через некоторое время вырвалась из окружения. Решающее сражение гражданской войны состоялось в августе в Фарсале. Помпей все еще хотел избежать боя, но его командирам не терпелось сразиться. Он потерпел поражение, остатки армии сдались, а сам он бежал в Египет, где был убит.

Цезарю еще предстояло очистить от сторонников Помпея некоторые провинции. Сначала он последовал за своим врагом в Египет, там влюбился в царицу Клеопатру и задержался на девять месяцев. Затем, в июле 47 г., отправился в Понтийское царство, где у Зелы разбил мятежного Фарнака и послал сенаторам свое донесение: «Пришел, увидел, победил». Но после Фарсальского сражения уже прошел год, и помпейцы собрались под началом Лабиена в Африке. В декабре 47 г. Цезарь высадился в Африке с одним легионом и 600 конниками. Сначала он встретил упорное сопротивление, но, получив следующей весной подкрепление, успешно завершил африканскую кампанию победой при Тапсе. В 45 г. Цезарь разбил последних помпейцев в Испании при Мунде, сделавшись таким образом властелином мира. В Риме он стал пожизненным диктатором. Хотя его правление нельзя назвать непопулярным, в марте 44 г. до н. э. он был убит республиканцами.

Будучи полководцем, всюду добивавшимся успехов, Цезарь, тем не менее, заслуживает жесточайшей критики. Он не сумел провести явно назревшей реорганизации своей армии. Без надлежащей легкой пехоты ему потребовалось значительно больше времени для победы над галлами. Цезарь не подготовил более или менее подходящей конницы, полагаясь на наемников из среды варваров. Этот недостаток снова и снова ставил его в затруднительное положение. Разведка зачастую была плохой. Он забывал о своих коммуникациях. Из-за небрежности Цезарь дважды почти терял флот у британских берегов, а когда это случилось, у него не оказывалось надлежащих средств для ремонта. Система снабжения полностью отказывала в битвах при Илерде и Диррахие, так что войска почти голодали.

Как стратег Цезарь, если не сказать больше, не отличался постоянством. Он периодически разбивал галлов, а затем проводил лето в отдаленном не имеющем значения районе, а в это время за его спиной назревало восстание. Стремительные бескровные завоевания Италии и Испании совершенно не похожи на его действия на более поздних этапах гражданской войны. Цезарь не воспользовался преимуществом своей внезапной высадки в Македонии, дав знать о своем присутствии Помпею, а теряя время в Египте и Понте, дал возможность помпейцам собраться и перегруппироваться в Африке. Первый раз он высадился в Африке с до смешного малым войском – одним легионом и 600 конниками. Как тактик Цезарь не проявил оригинальности. Он пренебрегал конницей и сражался с разными противниками традиционным трехэшелонным легионом. Правда, он был выдающимся пехотным полководцем. Как в политике, так и в тактике, когда он понимал, что надо делать, то принимал решения и действовал быстро и в известной мере смело. Часто он действовал слишком поспешно и опрометчиво, но в целом такая маневренность приносила плоды – как в действиях против гельветов и Верцингеторига, при нападении на Брундизий и перед сражениями при Илерде и Тапсе.

Не менее важным фактором успехов были личные качества и черты характера самого Цезаря. Одного его присутствия в войсках, казалось, было достаточно, чтобы вселить в них такую же непоколебимую уверенность в победе, какой обладал он. Его жизнерадостность и остроумие, а также его удачливость вселяли в солдат веру и преданность. Он был блестящим, пользующимся популярностью политиком, обладал замечательным ораторским даром, и главным образом благодаря его популярности в народных массах Италия сразу же встала на его сторону в гражданской войне. Его единственной заботой была власть, и, чтобы удержать ее, он был абсолютно безжалостным и безнравственным. Никто еще не вел войну такими страшными методами, как Цезарь в Галлии. Но когда ему это было выгодно, во время гражданской войны и позже, он мог отнестись к противнику снисходительно и терпимо.

Как человек и военачальник Цезарь, пожалуй, был самым разочаровывающим из великих завоевателей. Тем не менее в своих усилиях по расширению Римской империи он был одним из главных творцов западной истории.

Глава 5

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ РИМА И МИГРАЦИИ ВАРВАРОВ

Римская империя, расширившаяся при Цезаре почти до своих конечных пределов, четыре сотни лет охранялась размещенными вдоль границ военными гарнизонами. Велением времени стала оборона, что отрицательно сказывалось на боеспособности римской армии. С годами в армию набиралось все больше и больше варваров, главным образом из-за трудностей с людскими ресурсами. Эта варваризация римской армии постепенно привела к подрыву старых римских военных традиций, и разложение изнутри вкупе с рядом миграционных вторжений варварских племен в конечном счете привело к кончине Римской империи на западе.

В конце I в. до н. э. Август (первый римский император, официально носивший этот титул) осознал, что унаследованная им армия, состоявшая главным образом из набранных на короткие сроки вассалов, была далека от удовлетворительной. Чтобы создать гарнизоны вдоль протяженных границ, контролировать покоренные области и отражать налеты и вторжения извне, требовалась дисциплинированная армия с длительными сроками службы – преданная государству, а не отдельным военачальникам. Август сократил армию до постоянной силы из 168 тысяч легионеров. Кроме того, он оставил армию иностранных наемников из 150 тысяч воинов, которые составляли большую часть конницы и легкой пехоты и подразделялись на когорты пехоты и эскадроны конницы, насчитывавшие от 500 до 1000 воинов. Рим перестал недооценивать морскую мощь. Август основал в Италии еще две военно-морские базы, в Мизенуме и Равенне. Все губернаторы провинций имели в своем распоряжении суда, на пограничных реках держали флотилии. Снаряжение, стратегия и тактика имперской армии на протяжении трех с половиной столетий в значительной мере оставались такими, какими они были при Сципионе, Марии и Цезаре. Боевые порядки в I в. н. э. обычно состояли из трехэшелонного строя пехотных когорт, но не были редкостью и двухэшелонные порядки, во II столетии армия вернулась к тактике фаланг. Иностранные наемники, к тому времени более профессионализированные, проводили разведку боем, а на плотную фалангу ложилось бремя основного удара. Еще одним боевым порядком был «тестудо», или «черепашка», применявшийся при наступлении или отступлении под интенсивным обстрелом; воины передней шеренги держали щиты перед собой, а в шеренге позади держали свои щиты горизонтально над головами; такой панцирь из щитов защищал тех и других.

В период ранней империи северная граница не была твердо установленной. Август стремился продвинуться к Дунаю и Эльбе, и между 17-м и 11 гг. до н. э. один из его пасынков, Тиберий, укрепил границу по Дунаю. Но германцы были не из тех, кто робел перед римской мощью. Хотя их военная структура была примитивной, они восполняли этот недостаток неукротимой энергией и волей к независимости. Война между римлянами и германцами описана великим историком Тацитом, и из его повествования видно, что раннее общественное устройство последних было ориентировано на войну. «На поле боя выносились некие тотемы и символические знаки. Самым сильным стимулом к мужественным действиям служили семейные и кровные узы. Некоторые проигранные или проигрывавшие битвы оборачивались вспять женщинами, выступавшими с неустанными молитвами и оголенными грудями».

В 9 г. н. э. вождь херусков Арминий напал из засады на три римских легиона в Тевтобургском лесу. Римляне продвигались в грозу через лесные чащи и топи, когда германцы осыпали их градом копий. Гроза продолжалась весь следующий день, и нападения не пре-

кращались, пока римские воины не перестали отбиваться. Командовавший легионами Публий Квинтилий Вар и старшие начальники покончили с собой, оставшиеся в живых воины были распяты на крестах, похоронены заживо или принесены в жертву германским богам.

Римляне в конечном счете все-таки пробились к Эльбе, но было ясно, что Германия никогда не покорится их правлению, и после полупобедоносных кампаний Германика они в 14 – 17 гг. отошли к Рейну, где было легче удерживать границу. Эта несостоятельность римского оружия и тот факт, что римской цивилизации не удалось закрепиться в Германии, оказали глубокое и всеобъемлющее влияние на ход германской, а отсюда и европейской цивилизации.

Между 70-м и 130 гг., в правление Веспасиана, Домициана и Адриана, были проведены основные работы по созданию системы пограничных фортификаций. На германской границе линия укреплений протянулась на 350 миль от Рейна до Дуная. Типичными для римской военной стратегии в пограничной провинции можно считать оккупацию и создание фортификационных сооружений в Британии. Построенный в 122 – 125 гг. Адрианов вал протянулся на 73 мили от Тайна до Солуэя. Сложенный из камня с бетонной сердцевиной, на большинстве участков он был толщиной семь с половиной футов, а местами еще больше. Во времена римлян высота стены составляла 15 футов. Вал проходит вдоль естественного оборонительного рубежа; в низинах для дополнительной защиты копали рвы. Вал еще более усиливался шестнадцатью фортами, размещенными с интервалами приблизительно в четыре мили. Между фортами через каждую римскую милю ставился замок, а между помильными замками стена делилась на три части башнями, служившими сигнальными постами. Адрианов вал представлял собой скорее средство устрашения, нежели оборонительное сооружение. Он не мог удержать широкомасштабное нападение, но служил серьезным препятствием для мелких набегов.

Британия была завоевана в I в. н. э. четырьмя легионами. После 85 г. там оставалось три легиона и 35 – 40 тысяч иностранных наемников. Каждый легион опирался на крепость: Карлеон-на-Аске, Честер и Йорк. Для контроля и поддержания порядка в провинции существовала целая сеть небольших фортов площадью от двух до семи акров с гарнизонами от 500 до 1000 наемников. Большинство их размещалось вдоль главных коммуникаций и в важных стратегических пунктах в 15 – 20 милях друг от друга на севере Англии и в Уэльсе. Провинция имела сеть дорог, большинство которых были построены армией в военных целях. Строительство знаменитых римских дорог было одним из самых важных и долговременных достижений римской армии. Таким путем римляне прежде всего способствовали объединению областей под своим правлением и распространению цивилизации. Кроме того, римские военные лагеря часто служили первоначальным ядром больших и малых городов, существующих поныне.

В первые два столетия существования империи общая численность римской армии менялась незначительно. Распределение войск зависело от общей военной и политической обстановки в римском мире: легионы перебрасывались с места на место и сосредоточивались там, где это было необходимо. Адриан (117 – 135) внес важные изменения в функционирование Августовой системы. Со времени Адриана легион мог почти целиком состоять из воинов, набранных в местах его размещения, а во II в. различия между войсками наемников и легионами постепенно стерлись.

В некотором отношении охрана уязвимых пограничных районов войсками, знакомыми с местностью, имеет свои преимущества, потому что считалось, что они защищают свои дома. Но такая политика таила и опасности. Во-первых, поскольку войска, оборонявшие границу в одном месте, не имели контактов с войсками у других границ, могла быть утрачена идея имперского единства. Худшим примером тому было время, когда разные армии восстали и свалили трех кандидатов на императорский пост, прежде чем четвертый, Вспа-

сиан, получил его при поддержке армии на востоке и на Дунае. Во-вторых, несущим гарнизонную службу войскам грозило превратиться в местную милицию бездельничающих и неумелых крестьян, самонадеянно верящих в имперский мир и рассчитывающих на легкую жизнь. Довольно часто войска, согласные служить в собственной стране, отказывались от службы в других местах. Своей небоеспособностью и недисциплинированностью особенно отличались легионы, размещенные на восточной границе.

Командовавший в победоносной войне с парфянами в 56 – 63 гг. Корбулон восстанавливал дисциплину жестокими мерами. Воровство и физическая неподготовленность наказывались поркой, исполнявшейся центурионом, дезертирство – смертной казнью, а в зимнюю кампанию в горах Армении армия получила хорошую закалку. Самым жестоким наказанием была казнь каждого десятого в подразделении; оно применялось редко, но в 20 г. губернатор Африки Апроний приказал засечь до смерти каждого десятого бойца батальона, бежавшего с поля боя. Опозорившиеся подразделения могли быть полностью расформированы. Веспасиан распустил четыре легиона, не сохранивших своих орлов или присоединившихся к восстанию на Рейне в 69 г., которое возглавил вождь батавов Цивилис. На другом конце дисциплинарной шкалы могли находиться такие наказания, как понижение центуриона в звании, а солдата могли на сутки поставить на плац перед штабом части. Адриан особенно боролся с излишествами в быту и понижением боеспособности. В то же время он много сделал для досуга солдат, повысил их законный статус и материальное содержание.

Армия давала обеспеченное, но тупое, монотонное существование. Обычно продолжительность службы составляла двадцать лет, последние четыре года воин считался находившимся в резерве ветераном и освобождался от трудных лагерных обязанностей. Из установленного Августом военного бюджета выплачивались хорошие содержание и пенсии. Солдат должен был сам покупать еду, оружие и обмундирование, вносить деньги на ежегодный лагерный обед и в солдатский похоронный фонд, но других возможностей потратить деньги было мало, разве что заниматься контрабандной торговлей. Поощрялось держать деньги в лагерном банке, где сбережения время от времени пополнялись добавочными имперскими дивидендами. Воинам рангом от центуриона и ниже не полагалось жениться, но многие сожительствовали с женщинами, и к этому относились терпимо.

Существовали различные военные поощрения и награды. Одержавшему победу полководцу давали возможность пройти с войсками торжественным маршем по Риму. Желанной наградой за храбрость в римской армии был венок из листьев дуба. Например, Тиберий в 20 г. возложил его на голову Руфа Гельвия, рядового, спасшего в одном из сражений в Африке жизнь своему товарищу. «Корона валларис» могла быть наградой первому бойцу, перебравшемуся через стену крепости противника, а «корона aurea» – центуриону за храбрость, проявленную на поле боя. Среди наград также были серебряный наконечник копья или миниатюрный серебряный штандарт для офицеров и браслеты, ожерелья и рельефные медали для солдат.

Военный историк Вегеций описывает идеальный повседневный распорядок легиона в мирное время. Трижды в неделю пехота совершала десятимильный переход, чередуя скорость движения, с тем чтобы практиковаться в бросках при наступлении или отходе. Во время полевых занятий главное внимание уделялось действиям в боевых порядках, отрабатывалась тактика отражения неожиданных атак и нападений из засады. Значительное место занимали отработка приемов владения оружием и просто муштра на плацу, ради поддержания дисциплины.

Хотя военные действия не прекращались ни на день, II в. был свидетелем осуществления идеала Августа. Это был период «пакс романа». Гиббон даже утверждает, что «если кого-нибудь попросить назвать период в мировой истории, на протяжении которого род человеческий был бы самым счастливым и процветающим, он не колеблясь назвал бы время между

смертью Домициана и восшествием на престол Коммода» (96 – 180). После смерти Коммода в 192 г. последовала борьба за трон. С конца II в. армия стала главной и, в действительности, губительной силой в римской политической жизни. Чтобы удержать власть, каждому императору приходилось прибегать к подкупу и заигрыванию с военными. Север на одну треть повысил денежное содержание, разрешил рядовым жениться и возделывать участки земли вокруг лагерей, предоставил центурионам дополнительные социальные привилегии. Умирая, завещал сыну, Каракалле, обогащать военных и не обращать внимания на остальных. Именно так Каракалла и поступал. За 60 лет после 192 г. возвысилось и пало не менее двадцати одного императора. Это был период анархии и людских страданий, когда армия терроризировала гражданское население империи и сама деморализовалась и утрачивала боеспособность. Безопасность границ навсегда осталась в прошлом. Одной из главных причин страшной инфляции было непрерывное повышение денежного содержания в армии, на которое императоры должны были идти, если хотели сохранить трон.

Войска в пограничных областях теперь набирались из местных земледельцев, которые старались поменьше думать о своих воинских обязанностях. К тому же оборонительная стратегия растянутых вдоль границы войск не могла принести успеха – они повсюду были слабыми и нигде сильными, не было глубоко эшелонированной обороны и резервов для контрнаступления. К 250 г. боеспособность легионов падала все больше, для борьбы с новыми, до того неизвестными, противниками римским войскам требовался творческий подход к тактике, а именно этого не было. Правда, во второй половине III в. три императора – Галлиен, Аврелий и Диоклетиан – перестроили армию и снова сплотили империю. Эти важные меры позволили уберечь империю от окончательного распада еще почти два столетия. Были приняты суровые меры по восстановлению порядка и дисциплины как в военных, так и гражданских делах, а при Диоклетиане гражданское правление было еще больше военизировано. К тому же римская армия сама становилась варварской по своему характеру. Поскольку эпидемии чумы вызвали серьезные трудности с людскими ресурсами, Аврелий пошел на важный шаг – стал формировать части иностранных наемников из вандалов и алеманнов – германских племен, которые оказывали сильнейшее давление на северную границу. Варвары завоюют империю не только силой, но и путем просачивания внутрь. В личной охране императоров служили германские воины, а германским войскам позволялось сохранять национальное боевое обмундирование и традиции. Римские штандарты с орлами заменили драконами варваров. Еще один способ сохранения численности – сыновей вслед за отцами принуждали служить в армии. Армия фактически становилась наследственной кастой. Вновь были введены законы о воинской повинности. Диоклетиан номинально увеличил армию до чудовищных размеров – до шестидесяти легионов, правда, численный состав большинства из них скоро упал ниже положенной цифры в 6 тысяч бойцов. Энергично продолжалось сооружение дорог и укреплений.

Галлиен понял ошибочность гарнизонной стратегии предыдущих 250 лет. Пойдя на ослабление пограничных войск, он создал резервные армии, базировавшиеся в северной Италии, обеспечивавшие оборону в глубине и в случае необходимости использовавшиеся для контрнаступления. Были отброшены давние тактические традиции и проведены преобразования, более отвечающие требованиям борьбы с новым противником, тактика которого обычно сводилась к внезапным атакам конницы или обстрелу с далекого расстояния.

Галлиен пошел на решающий шаг, отведя легионам второстепенную роль и сделав конницу «царицей полей». В 258 г. он сформировал корпус из далматинских всадников и мавританских верховых копьеметателей, скакавших на неоседланных конях. Дальнейшее разнообразие было внесено в римскую армию привлечением восточных лучников. Были также части, вооруженные длинными иранскими копьями, пешие войска варваров, выступавшие в строю клином, наездники на верблюдах и тяжелая конница парфянского и персидского

образца. На смену метательному копьё и короткому колющему мечу легионеров пришли ручное копьё и длинный рубящий меч варваров.

Этот коренной пересмотр военной структуры был очень своевременным, ибо давление на границы приобретало невиданную силу. Возвышение Персидской империи Сасанидов грозило лишить Рим всех его азиатских провинций. Престиж Римской империи опустился до низшей точки в 260 г., когда Валериан был пленен персидским царем Шапуром. К счастью, правителю Пальмиры Оденату удалось отразить персидские силы. Но еще хуже была обстановка на северном фронте, испытывавшем давление кочевых племен варваров. После завоевания Цезарем Галлии господство кельтов в центре и на востоке Европы распалось, оставив вакуум власти к северу и востоку от римской границы. В эти области двинулись новые народы, сначала из Скандинавии, вероятно из-за перемены климата и перенаселенности. Но их, в свою очередь, в III в. потеснил на юг и запад свежий приток кочевников из Азии.

Можно утверждать, что Римская империя пала в основном не по военным причинам. Экономическая слабость и угасание городов, сокращение населения, ассимиляция провинциальной и варварской культуры, принятие христианства и создание новой имперской столицы в Константинополе (Византии) – все это служило более глубокими причинами и более показательными симптомами предстоящей кончины Древнего Рима. Но все же некоторые из самых очевидных вех этого процесса относились к военной области.

В военном отношении все западные варварские племена имели много сходного. Кельтские оружейные мастера на Рейне и на Дунае, возможно, изготавливали железное оружие для них всех. Богатые украшения многих мечей отличались схожей символикой: хищные птицы или змееподобные существа, как бы пожирающие самих себя. Выше всего ценился длинный рубящий меч. Но металл стоил дорого, доброе оружие передавалось из поколения в поколение, а самое знаменитое, как, например, меч короля Артура Эскалибур, занимает видное место в народных сагах. Также высоко ценились кольчуги. Могучим оружием лангобардов был широкий обоюдоострый меч, но они также пользовались копьями, порой такими крепкими, что поднимали на них корчившуюся жертву. Еще одним распространенным оружием был «сакс» – короткий, широкий, слегка изогнутый, заточенный с одной стороны предшественник сабли. Северные племена также воевали копьями длиной до 11 футов. Щиты вождей часто бывали богато украшены. Шлемы представляли собой подобие тубетейки, скрученной из металлической ленты, некоторые дополнялись пластинами, защищавшими голову сзади и сбоку, другие защищали лицо, иногда они украшались головами зверей.

Такое оснащение не могли себе позволить простые члены племени. Они дрались, защищая голову кожаными шлемами, а тело круглыми деревянными или плетеными из прутьев щитами, обтянутыми кожей. Оружием служили копьё или дубинка. Большинство кочевников предпочитали воевать верхом, но франки дрались пешими, беспорядочными и плохо вооруженными толпами, на конях была только охрана вождей. Войско подразделялось на сотни, тысячи и кланы. Самым распространенным боевым порядком был V-образный клин. На возвышенностях они ограждали себя круговыми земляными валами, а на равнинах создавали лагерь из составленных вплотную крытых повозок. Выходцам из Средиземноморья они казались физически страшными. Сидоний писал, что бургунды были 7 футов ростом и смазывали волосы прогорклым маслом.

Некоторые из этих народов были хорошими мореплавателями, пиратские корабли саксов под кожаными парусами наводили страх на британских жителей. На смену имевшихся у прибрежных племен челнов, выдолбленных из стволов деревьев, вмещавших тридцать человек, постепенно приходили сколоченные из досок корабли, как у викингов, вмещавшие свыше сотни воинов. Пиратские флотилии вандалов господствовали над западным Средиземноморьем, и в 455 г. они во главе с Гейзерихом поднялись на своих галерах и брандерах вверх по Тибру и подвергли разграблению Рим. Римляне утратили военно-морское пре-

восходство на Средиземном море задолго до того, а принятый в Константинополе закон, запрещавший под страхом смерти обучать варваров кораблестроению, безнадежно запоздал. Между 253-м и 267 гг. готы совершали налеты с моря на Грецию и Малую Азию, и уже тогда Рим пользовался судами, заимствованными в торговых портах восточного Средиземноморья.

Готы первыми из кочевников нанесли империи сокрушительное поражение. Именно они проникли в глубь ее территории и оставили наиболее заметный след в истории военного искусства. Император Валент встретил готов у Адрианополя в 378 г. Имперская армия напала на готов, расположившихся в огромном окруженном повозками лагере. Несмотря на изменившийся характер римской армии и все, что следовало бы усвоить из опыта борьбы с варварами, Валент построил войска по историческому римскому образцу, поставив легионы в центр, а эскадроны наемной конницы на фланги. Получив сообщение, что в лагере находится все войско противника, Валент начал атаку. Но он не знал, что большая часть готской конницы находилась на пастбище. Ее быстро вернули, построили в боевые порядки, и в самый разгар сражения она ударила по левому флангу римлян. Римская конница на левом фланге тотчас распалась, и готы навалились на расположенную в центре пехоту. Правый фланг побежал, и сбившиеся в центре легионы были атакованы слева конницей готов, а по фронту пехотой. Оставленные таким образом на произвол судьбы римские пехотинцы падали там, где стояли, – строй был настолько плотным, что они не могли двинуться.

Ознаменовавшее полную катастрофу Римской империи сражение при Адрианополе также явилось первой победой тяжелой конницы над пехотой, готские всадники первыми переступили порог средневековой войны. Тяжеловооруженный рыцарь с его копьем, его вассалами и характерными особенностями его поведения в бою (благородство и отвага, пышная геральдика) в противовес всей римской пешей традиции ведет свое происхождение от варваров.

Готская конница выросла в такую грозную силу благодаря двум причинам. Во-первых, за время длительной миграции они стали блестящими наездниками. Во-вторых, они владели важной частью конной сбруи – стременем. Только при такой опоре закованный в броню всадник даже при ударе копьем мог усидеть в седле. Стремя, вместе с более крепкими конями, попало в Европу из Азии в I в. н. э. и было принято на вооружение готами. После Адрианополя византийцы стали заимствовать у готов способы ведения боевых действий, и в конце концов императоры отказались от римских пеших легионов. В 590 г. император Маврикий в своем трактате «Искусство войны» особо подчеркивал важность стремени.

В середине V в. Средиземноморье постигло самое ужасное из всех нашествий. Под предводительством могущественного хана Атиллы, «божьего бича», гунны объединились в огромную армию и азиаты пошли войной на европейцев. Если скандинавские и германские варвары вторгались в пределы Римской империи ради овладения ею, то единственной целью гуннов, как и последовавших за ними монголов, как представляется, было разрушение и уничтожение. Военачальник того времени Аммиан Марцеллин так описывает свои впечатления: «Дикостью гунны превосходят всех остальных варваров. Они омерзительно безобразны и до того сторблены, что их можно принять за каких-то двуногих зверей. Кочуя по широким пространствам, они с младенческих лет привыкают ко всем невздам – холоду, голоду, жажде. Каждый мужчина день и ночь проводит на коне, ест и пьет верхом, когда приходит ночь, он наклоняется к холке коня и спит крепким сном. При нападении они иногда вступают в сражение в правильном строю, издавая при этом разнообразные беспорядочные крики. Чаше, однако, они выступают не строем, а быстрыми внезапными маневрами, то рассыпаясь, то быстро собираясь в свободные боевые порядки. Надо признать, что это самые ловкие и проворные воины».

Возможно в действительности гунны не были так многочисленны, как казалось. Их свирепость и уродливая внешность были весьма полезным психологическим оружием. Но прежде всего они отличались чудовищной быстротой передвижения – и как постоянно готовый к войне кочующий народ, и как тактическая единица на поле боя. Их кони были способны проскакать галопом 20 миль кряду или покрыть за день расстояние в сотню миль. Перед их великолепным мастерством верховой езды и тучей стрел не могли устоять даже готские конники. Главным оружием был лук, а стреляли они поразительно метко. Пользовались они и железными мечами, захваченными или купленными у европейских племен. Одним из приемов ближнего боя было набросить аркан или сеть на вступившего в схватку вражеского воина. Доспехи гуннов мало интересовали.

В 451 г. гунны перешли Рейн. Аквитанские вестготы, объединившись с римлянами под командованием Аэция, отбросили гуннов и подвластных им союзников. Аэций не стал развивать успех, опасаясь, как бы после разгрома гуннов вестготы не стали слишком могущественными. В результате на следующий год Атиллы вторгся в северную Италию. Но его остановили голод, болезни, имперские подкрепления с востока и дипломатия папы Льва I. В 453 г. Атиллы взял себе новую жену и в брачную ночь умер от разрыва кровеносного сосуда. Как позднее комментировал Чосер:

Возьмем Атиллу, был он знаменит,
А умер смертью жалкою, позорной.
Расквасив нос, своей он кровью черной
В тяжелом сне до смерти изошел.

Поражение гуннов не спасло Рим, ибо в 476 г. командовавший полностью состоявшей из варваров «римской» армией Одоакр из германского племени герулов, отбросив, наконец, все предлоги и условности, свергнул Ромула Августула и положил тем самым конец Западной Римской империи. Но вскоре византийский император Юстиниан (527 – 565) вознамерился восстановить Западную империю. В погоне за этой химерической целью были забыты дунайская и восточные границы, восточные провинции истощались налогами, шедшими на содержание армий на западе, а Африка, Испания и Италия были обречены на длившиеся двадцать лет войны. Но войны эти дали только одного видного полководца – Велизария. Византийская армия на какое-то время была в состоянии приспособиться к ведению боевых действий в новую эру готских войн. Она почти целиком формировалась из наемников – выходцев из различных варварских племен и большей частью состояла из конницы и незначительного числа частей тяжелой пехоты. В 520-х гг. Велизарий приступил к подготовке элитных частей тяжелой конницы, вооруженной и луками, и копьями и обученной как внезапным налетам, так и участию в крупных сражениях в качестве основной ударной силы. Он также вооружил ее оперенными дротиками, которые металась с близкого расстояния. И в довершение всего у конников имелись тяжелые широкие мечи. Чтобы владеть всеми четырьмя видами оружия и при этом управлять конем, требовалась основательная подготовка. Велизарий учил воинов держаться в седле, пользуясь стремянами, и управлять конем при помощи колен. К левой руке воина ремнями крепился небольшой щит, а сам он облачался в кольчугу без рукавов. Владение луком было заимствовано у гуннов, а копьем – у готов. В ходе тренировок всадник скакал навстречу свисавшему с перекладки чучелу. Приближаясь к цели, он должен был выпустить в раскачивавшуюся фигуру три стрелы и в довершение поразить ее копьем или дротиком. Плата, питание и звание зависели от результатов, показанных в этом и других упражнениях.

До начала больших войн в царствование Юстиниана Велизарий приобрел опыт на Дунае и на востоке. Против гуннских конных лучников он весьма успешно применил ори-

гинальную тактику. Задача состояла в том, чтобы навязать им ближний бой, и он решил ее с помощью живой приманки. Несколько всадников на быстрых конях заманивали преследовавших их гуннов в места, где им можно было отрезать отход назад. А что касалось заграждений из повозок, он посылал воинов с наветренной стороны и те поджигали их горящими стрелами.

В 532 г. Велizarию поручили руководить военными действиями против вандалов. Он отправился из Византии во главе многонациональной армии из 10 тысяч пеших и 5 тысяч конных воинов. Большинство составляли наемники, но в ней было много вассалов генерала, и в известном смысле это уже была феодальная армия. Пешие воины в большинстве были высокого класса: исаврийские горцы, обученные самим Велizarием. В рядах конников было 600 гуннов и 400 герулов, а также 1500 кирасиров из личной гвардии Велizarия. Начальником штаба у него был евнух-армянин по имени Соломон, а при штабе состоял историк Прокопий. Как во всех его кампаниях, Велizarия сопровождала жена Антонина – женщина несомненно отважная, но сомнительной нравственности. Вандалы смогли выставить большее количество воинов, но их армия намного уступала в подготовке армии Велizarия. Победы Велizarия у Ад-Децимум и Трикамароне обеспечили покорение вандалов в Африке.

Затем война была перенесена в Италию. В период между 535-м и 540 гг. с армией всего в 7500 человек и испытывая трудности из-за интриг недругов при византийском дворе и нерешительности и подозрительности императора Юстиниана Велзарий покорил остготов. Самым ярким эпизодом этой войны была оборона Рима: 5 тысяч воинов в течение года удерживали 12-мильные стены. Велizarий и новый командующий, 80-летний евнух Нарсес, воевали с готами еще 14 лет. Мир наступил из-за истощения сил, победа не дала ничего. Италия была слишком разорена, чтобы защитить себя от нахлынувших в 565 г. на север ломбардов. Велizarий сделал все, что мог. Это был классический пример верного и способного полководца, вынужденного волей посредственного политического властителя преследовать нереальную стратегическую цель.

Замыслы Юстиниана намного превосходили его возможности. В 540 г. персы разграбили Антиохию. Утечка войск с востока безнадежно ослабила восточные границы. И это несмотря на предпринятую им обширную программу строительства укреплений на востоке и северо-востоке. Действительно, более 700 построенных Юстинианом фортификационных сооружений явились значительным шагом вперед в развитии военного строительного искусства. Оборонительные валы, зубчатые стены, башни и подземные укрепления Юстиниановых замков служили непосредственным источником вдохновения для строителей и архитекторов Средневековья.

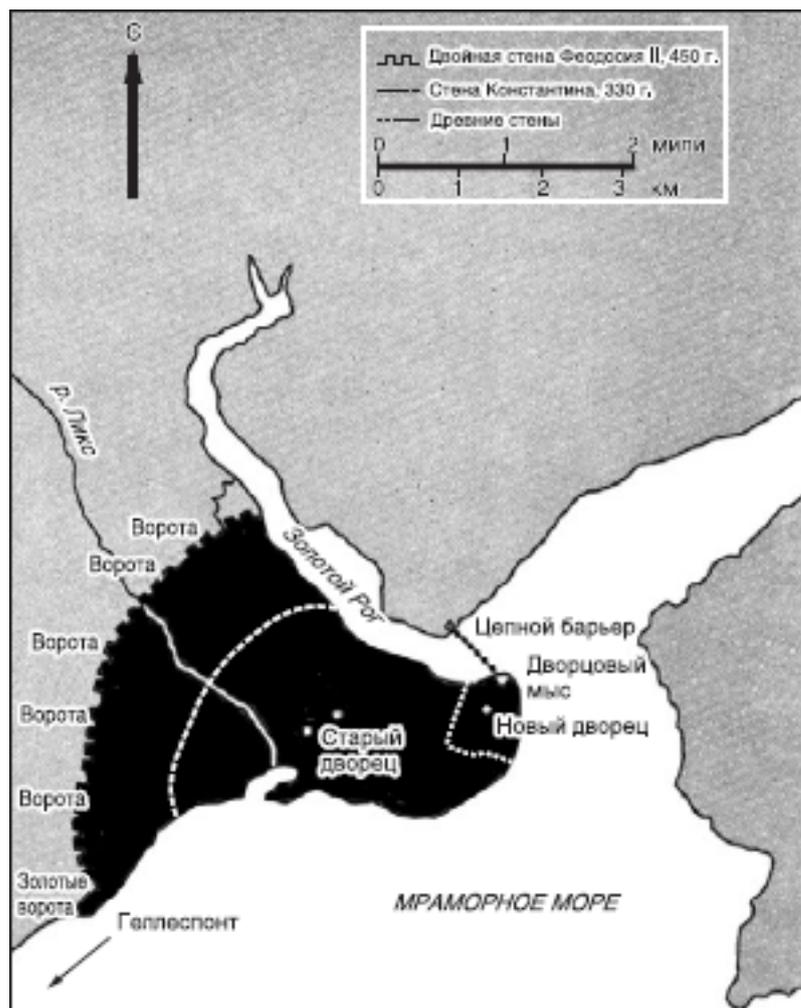
Провал Юстиниановых планов отвоевания Запада окончательно опустил занавес над Западной Римской империей. В военном, этническом и культурном плане она исчезла задолго до того, теперь развеялись последние политические иллюзии. В военной области уже два столетия как наступила новая средневековая эпоха с ее тяжеловооруженными рыцарями и их вассалами.

Глава 6

ВОЙНЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

После распада Западной Римской империи ее восточный двойник в Византии продолжал существовать, и его борьба за выживание с арабами, а потом с турками и болгарами представляет собой захватывающую историю. В 622 г. Мухаммед повел своих сторонников из Мекки в Медину, положив начало аравийской и исламской экспансии. Первую военную победу одержал сам пророк, но виднейшими вождями исламского похода предстояло стать Халиду ибн аль-Валиду и Амру ибн аль-Асу. За сотню лет исламская империя распростерлась от Аральского моря до верховьев Нила и от рубежей Китая до Бискайского залива. Только одна держава, Византия, в том столетии могла противостоять арабам, но даже она утратила юго-восточную часть своей империи. Затем, когда арабское наступление, достигнув южной Франции, выдохлось, видное место снова заняли франки. И наконец, в VIII в. начались набеги викингов на Британию и Западную Европу. Заметным явлением в военной истории Западной Европы в VII – XI столетиях было неуклонное развитие конницы.

Арабы осуществляли свои завоевания благодаря умелому применению верблюжьих и конных войск на удобной местности, открытых просторах Северной Африки и Западной Азии. Но их боевые порядки и тактика боя были весьма примитивными, а средства защиты довольно скудными. Обычно они строились в один, иногда в два-три плотных ряда, части формировались из различных племен. Страх наводили численность арабов и их внешний вид. Как отмечал один византийский военачальник, «они весьма храбры, когда уверены в победе: твердо держат строй и смело противостоят самым яростным атакам. Почувствовав, что противник слабеет, они общими отчаянными усилиями наносят завершающий удар». Пешие войска большей частью были небоеспособны и плохо вооружены, силой арабов была конница. В начале VII в. конница была легковооруженной и чрезвычайно мобильной, но в последующие столетия арабы многому научились у своих самых упорных противников – византийцев и все больше полагались на верховых лучников и копьеносцев, защищенных кольчугами, шлемами, щитами и наголенниками.

Оборонительные сооружения Константинополя, практически сохранившиеся до захвата турками в 1453 г.

Но лучшие свойства армий ислама состояли не в оснащении и организации, а в порожденных религией моральных устоях, мобильности благодаря верблюжьему транспорту и выносливости, выработанной тяжелыми условиями жизни в пустыне. Верным последователям Мухаммеда была чрезвычайно близка идея «джихада», священной войны. Существовала и экономическая причина арабской агрессии, старая история перенаселенности Аравийского полуострова. С веками Южная Аравия становилась все засушливее и ее обитатели перемещались к северу. Арабский демографический взрыв в VII в. был четвертой, последней и самой крупной семитской миграцией. Как и раньше, мигранты, естественно, поначалу хлынули к благодатному полумесяцу Ближнего Востока с его плодородными землями, а уж потом выплеснулись за пределы долин Евфрата и Нила. Они вышли далеко за пределы территорий, которые они завоевывали в античные времена, не только благодаря своей многочисленности, но также потому, что практически везде покоренные народы встречали их как избавителей. Их терпимость, гуманность и впечатляющая цивилизация обращали в их веру почти столько же народов, сколько они покоряли силой. За исключением Испании, завоеванные ими в VII в. области сохранили исламскую религию и культуру по сей день.

Первыми препятствием для арабов стала Византия. В VIII – XI вв. византийские армия и флот, по существу, были самой боеспособной силой на европейском и средиземноморском пространстве. В 668-м, а затем ежегодно с 672-го по 677 г. арабы в разных пунктах напали на Византийскую империю. Они вторгались в ее пределы, но каждый раз византий-

ский флот в конце концов наносил захватчикам поражение. Арабские и византийские галеры были более или менее идентичны. Большой боевой дромон имел сотню гребцов, размещенных на двух рядах скамей. Гребцы в верхнем ряду были вооружены, экипаж дополнялся морскими пехотинцами. Но корабли византийцев были лучше оснащены, имели на вооружении «греческий огонь» – зажигательную смесь, которая выстреливалась через трубу на носу или забрасывалась в горшках баллистами.

Высшей точкой и поворотным пунктом в войне арабов с византийцами стала осада Константинополя в 717 – 718 гг. Когда арабы захватили Малую Азию, император Феодосий III ушел в монастырь, но в этот критический момент руководство взял на себя профессиональный военный Лев Исавр (Сириец). Он быстро восстановил и укрепил внушительные фортификационные сооружения Константинополя – до применения пороха такие стены были неприступны для штурмующих и город можно было взять только осадой. Поскольку Константинополь был с трех сторон окружен водой, казалось, все зависело от соотношения сил противостоявших флотов, а арабы имели здесь огромное численное превосходство. Однако Лев смело и изобретательно руководил двенадцатимесячной обороной города, и, когда осаду сняли, византийский флот преследовал противника до Геллеспонта, там арабы попали в шторм и от их сил уцелела малая доля. Для арабов это оказалось незабываемым бедствием. Благодаря последовавшей затем в 739 г. победе при Акроине Лев вынудил арабов окончательно оставить западную часть Малой Азии.

Успехи Льва Исавра были достигнуты благодаря наращивавшейся на протяжении долгого времени боеспособности армии и флота. Со времен Велизария главную силу византийских войск составляла тяжелая конница. Воина защищали длинная, от шеи до бедер, кольчуга, круглый щит средних размеров, стальной шлем, латные рукавицы и стальные башмаки. Кони переднего ряда также были защищены стальными нагрудниками. Все кони были под большими удобными седлами с железными стременами. Вооружение состояло из широкого меча, кинжала, небольшого лука с колчаном стрел, а также длинного копья. Иногда к седлу прикреплялся боевой топор. Как их римские предшественники и в отличие от других западных армий, до XVI в. византийские войска носили установленную форму одежды: накидка поверх доспехов, вымпел на конце копья и плюмаж шлема были определенного цвета, отличавшего конкретную воинскую часть. Чтобы позволить себе такое оснащение, конник должен был обладать значительным состоянием. Всем командирам и на каждых четверых-пятерых воинов полагался денщик. Это тоже обходилось дорого, но имело смысл, дабы воины могли сосредоточиться на чисто военных обязанностях и благодаря хорошему питанию поддерживать хорошую физическую форму. История богатой Византийской империи свидетельствует, что немного комфорта не вредит требованиям боеспособности.

Функции пеших войск ограничивались обороной гористой местности и гарнизонной службой в крепостях и важных городах. Большую часть легкой пехоты составляли лучники, тяжеловооруженные пехотинцы имели копье, меч и боевой топор. Каждому подразделению из 16 человек полагались две повозки для перевозки оружия, продовольствия, кухонных принадлежностей и шанцевого инструмента. Византийцы сохранили классическую римскую практику строительства через регулярные промежутки укрепленных лагерей, и в авангарде армии неизменно находились инженерные войска. На каждое подразделение в 400 человек приходился офицер медицинской службы и шесть-восемь санитаров-носильщиков. За каждого вынесенного с поля боя носильщики получали вознаграждение – не столько из гуманитарных соображений, а скорее из-за того, что государство было заинтересовано в скорейшем восстановлении боеспособности раненых.

Краеугольным камнем византийской военной системы была оперативно-тактическая подготовка: византийцы брали хитростью и умением. Они справедливо считали, что способы ведения боя должны варьироваться в зависимости от тактики противника, и тщательно

изучали приемы потенциального врага. Важнейшими военными трудами того времени являются «Стратегикон» Маврикия (ок. 580 г.), «Тактика» Льва Мудрого (ок. 900 г.) и наставление по ведению пограничной войны Никифора Фоки (отвоевавшего у арабов Крит и Киликию, в 963 – 969 гг. бывшего императором).

Маврикий реорганизовал устройство и систему комплектования армии. Он разработал иерархию подразделений и частей от простейшего подразделения из 16 воинов до «мерос», дивизии в составе 6 – 8 тысяч воинов. Существовала соответствующая иерархия командиров, причем назначение всех военачальников рангом выше центуриона находилось в руках центрального правительства. После Юстиниановых войн численность тевтонских наемников в византийской армии сильно сократилась. В империи не было всеобщей воинской повинности мужчин, но существовала система, требовавшая от областей в случае необходимости посылать определенное количество людей для военной подготовки и действительной службы. Пограничные области подразделялись на округа, называвшиеся «клицсурами», которые, например, могли состоять из горного перевала и крепости. Командование клицсурой часто служило ступенькой к успешной военной карьере. В поэме X в. «Дигенес Акритас» описывается жизнь на границе Каппадокии, где властвовавшие в стране воинственные феодалы совершали бесконечные набеги на арабские территории Киликию и Месопотамию.

Тактика византийцев основывалась на нанесении серии ударов тяжелой конницы. Согласно Льву Мудрому, конницу надо было поделить на первый, сражающийся эшелон, второй эшелон поддержки и небольшой резерв позади второго, а также на обоих флангах выдвинутые далеко вперед подразделения, с задачей опрокинуть противостоящий фланг противника или же защитить собственный. До половины имеющихся сил выделялось в первый эшелон, остальные в зависимости от тактической обстановки распределялись в глубине и на флангах.

Естественно, существовало большое разнообразие тактических боевых порядков. Против славян и франков, а также во время крупных арабских вторжений пешие и конные войска зачастую действовали совместно. В таких случаях пешие войска размещались в центре, а конница находилась на флангах или в резерве. Если ожидалось, что противник начнет бой атакой конницы, легкие войска скрывались позади тяжелой пехоты, «точно так же, – замечает Оман, – как тысячу лет спустя мушкетеры XVI и XVII столетий скрывались позади своих копейщиков». В гористой местности и в ущельях пешие войска располагались в форме полумесяца, тяжеловооруженные части блокировали противника в центре, а легкая пехота осыпала противника стрелами и копьями на флангах.

Византийцы были самыми лучшими воинами раннего Средневековья в Европе, но меньше всего бросались в глаза. Это потому, что их стратегия была в основном оборонительной и они предпочитали полагаться больше на голову, чем на мускулы. Они никогда не вступали в бой, пока обстоятельства не складывались явно в их пользу, и часто прибегали к таким хитростям и уловкам, как распространение ложных сведений или подстрекательство к измене в рядах противника. Им постоянно приходилось прибегать к оборонительным действиям: то не пускать арабов в Малую Азию, то удерживать ломбардов и франков от вторжения в итальянские провинции, а славян, болгар, аваров, мадьяр и печенегов не пускать в Грецию и на Балканы. Благодаря постоянной боеготовности и бдительности им удавалось успешно удерживать границы, это было их главной задачей, и лишь очень редко Византия выступала как агрессивная держава.

Самыми грозными врагами Византии были арабы. Но арабы никогда не ценили по достоинству организацию и дисциплину. Хотя их армий нужно было опасаться в силу их многочисленности и мобильности, в основном они представляли собой сборища агрессивных и напористых дикарей, которые не могли устоять перед систематическими атаками стройных рядов дисциплинированных византийских воинов. Начальники византийских

провинций также создали действенную систему безопасности границ. Как только поступали сообщения о передвижении арабов, они собирали свои силы. Пешие войска блокировали пути, а конница, собравшись в центре, должна была не упускать вторгшиеся силы, непрерывно атакуя их. Если командир видел, что уступает в силе, он должен был избегать открытого боя, но создавать противнику препятствия всеми другими средствами – при возможности беспокоить его мелкими налетами, оборонять переправы и горные проходы, засорять колодцы и ставить заграждения на дорогах. В этих случаях набирались войска в отдаленных провинциях, и со временем против арабов выступала хорошо подготовленная армия, скажем, в 30 тысяч конников. После своего поражения при Акроине в 739 г. арабы скорее причиняли беспокойство, чем представляли угрозу безопасности Византийской империи.

После 950 г. византийские императоры Никифор Фока и Василий II предприняли наступление на арабов и болгар. В 1014 г. Василий полностью уничтожил болгарскую армию, получив звание Болгаробойца. Он ослепил 15 тысяч пленных, оставив из каждой сотни по одному одноглазому, чтобы те отвели их к своему царю.

В 1045 г. была аннексирована Армения. Однако в середине XI в. на границы стал оказывать нажим новый противник – турки-сельджуки. Турки на западе Азии считались прирожденными конниками. Они составляли многочисленные банды, вооруженные главным образом луками, но зачастую также копьями и ятаганами. Нападая, они носились перед фронтом неприятеля, осыпая его тучами стрел и нанося короткие болезненные удары. Весной 1071 г. император Роман Диоген с 60 тысячами воинов двинулся на Армению, где его встретили 100 тысяч турок под командованием Алп-Арслана. Роман опрометчиво отбросил традиционную византийскую осмотрительность и обстоятельность. У Манцикерта был уничтожен цвет византийской армии, а сам император попал в плен. Турки хлынули в Малую Азию и за десять лет превратили ее в пустыню.

В Западной Европе история франков развивалась по образцу, мало отличавшемуся от византийского. Имея армию, в которой все более преобладающее положение занимала конница, они успешно остановили арабское продвижение, но затем, вслед за периодом военного и культурного превосходства, ослабели под нажимом варварских племен викингов.

На протяжении двух столетий после победы Хлодвига при Вугле в 507 г., установившей их господство над Галлией, франки не меняли свою военную организацию. Агафий следующим образом описывает средства ведения войны франков в период династии Меровингов (ок. 450 – 750):

«Оснащение франков очень грубое, они не имеют ни кольчуг, ни наголенников, ноги защищены только полосками холста или кожи. Почти нет конников, но пешие воины храбры и умеют воевать. У них есть мечи и щиты, но они никогда не пользуются луками. Метают боевые топоры и копья. Копья не очень длинные, их метают или просто наносят ими удары».

Метательные топоры франков подобно томагавкам краснокожих индейцев тщательно вывешивали, с тем чтобы метать их с высокой точностью или же использовать в ближнем бою. Армии франков в течение двух столетий воевали именно таким оружием, нападая нестройными рядами пеших воинов. Большинство сражений происходило между ними самими. Правда, когда пришлось чаще иметь дело с различными другими армиями, стали применяться и другие средства. В конце VI в. зажиточные воины стали пользоваться металлическими доспехами.

В 732 г. Абд-аль-Рахман с арабской армией продвинулся на севере до Тура. Карл Мартелл собрал силы франков и двинулся на отходивших с добычей арабов. Когда Абд-аль-Рахман напал, «северяне стояли стеной, они словно смерзлись воедино и поражали арабов

мечами. В гуще сражения находились могучие австразы, это они разыскали и сразили сарацинского царя».

Это было оборонительное сражение, выигранное пехотой. Преследовать противника не стали. Нельзя утверждать, что франки, как византийцы, остановили арабов. Просто арабы продвинулись так далеко, насколько позволяли их ресурсы.

В 768 г. на трон короля франков взошел внук Карла Мартелла, известный как Карл Великий. Поначалу в королевстве было много опасных беспорядков, и, если агрессивные соседи не отзывались на мягкое обращение, единственной линией поведения было полное покорение. Карл Великий считал себя мировым правителем, назначенным Богом управлять на земле светскими делами. Его миссионеры продвигались вместе с войсками, зачастую прямо выступая в качестве психологической ударной силы. Он писал папе: «Наша задача состоит в том, чтобы при помощи святого благочестия защищать силой оружия Святую Христову церковь. Ваша, святейший отец, задача – воздев длани к небу, подобно Моисею, молить о содействии нашим войскам». Благодаря высокой боеспособности войск Карла Великого и его неутомимой деятельности на западе Европы наступили мир и спокойствие, каких она не видала со времен династии Антонинов. Военные успехи явились условием достижений в экономике, правосудии и культуре.

Однако Карл Великий зачастую прибегал к крайне жестоким мерам, таким, как убийство в 782 г. в Вердене за один день четырех с половиной тысяч непокорных саксонских язычников. С 768-го по 814 г. Карл Великий почти ежегодно предпринимал военные кампании. Его Священная Римская империя со временем охватывала территорию, которую ныне занимают Франция, Бельгия, Голландия, Швейцария, Западная Германия, большая часть Италии, северная Испания и Корсика.

Армия Карла Великого сильно отличалась от армии его деда, главным отличием было превращение тяжелой конницы в ударную силу. Конница была необходима в далеких масштабных кампаниях против таких врагов, как конные лучники у аваров или тяжеловооруженные копьеносцы в Ломбардии. Важность конницы была признана давно, но расходы на ее содержание были франкам не по силам. Кроме дорогих доспехов рыцарь должен был содержать соответствующего коня, достаточно сильного, чтобы нести рыцаря в полном вооружении, достаточно выдрессированного, чтобы не испугаться и не понести в бою, и достаточно резвого для стремительной атаки. Таких коней специально выводили и готовили. Даже расходы на содержание и прокорм в зимнее время были весьма значительными. А самому рыцарю требовались по крайней мере двое служителей: один – чтобы держать в порядке вооружение, другой – ухаживать за конем; более того, рыцарю требовалось много времени для подготовки и самой службы. При династии Меровингов ни один правитель франков не был достаточно богат, чтобы содержать армию из тяжелой конницы.

Эта и другие проблемы были решены с развитием феодализма. Особенность этого строя состояла в том, что сеньор, будь то король или могущественное лицо, давал землю или покровительство вассалу, получая в ответ клятвенное обязательство оказывать особые услуги, зачастую военные. Карл Великий в значительной мере феодализировал свое королевство. Такое устройство привлекало тех, кто был богат, и тех, кто искал защиты в эти беспокойные времена. При последовавшем после смерти в 814 г. Карла Великого разброде, когда империя распалась на части, а Европу донимали нападения мадьяр и викингов, общество превратилось в подобие пчелиных сот, в систему ячеек, державшихся на взаимных обязательствах: защите и службе. Воздействие феодализма на военное дело было двояким. С одной стороны, обладавшие значительными земельными угодьями вассалы могли позволить себе, и это от них требовалось, оснастить рыцарство. С другой стороны, узы верности и взаимная заинтересованность способствовали повышению дисциплины в армии.

Ядро армии франков составляла тяжелая конница. Не особенно многочисленная, она отличалась высоким профессионализмом. У всех рыцарей имелись кольчуги, шлемы, щиты, копья и боевые топоры. Старое франкское «народное ополчение» исчезло не полностью, но численность пеших войск сократилась, а боеспособность повысилась благодаря лучшим вооружениям. На «марсовом поле», ежегодных сборах франкской армии, не позволялось появляться с одной палицей – надо было иметь и лук. Карл Великий добился такого уровня подготовки, дисциплины и общей организации, какого не видели на Западе после варваризации римских легионов. Сохранился интересный документ, которым Карл Великий в 806 г. призывает в королевскую армию одного из важных вассалов:

«Ты явишься в Стасфурт на Бодe к 20 мая со своими людьми, будучи готовым нести военную службу в любой части нашего королевства, на какую мы укажем. Это означает, что ты явишься с оружием и снаряжением, полным обмундированием и запасом продовольствия. У каждого всадника должны быть щит, копье, меч, кинжал, лук и колчан. В повозках должны быть лопаты, топоры, кирки, колья с железными наконечниками и все необходимое для войска. Провианта взять на три месяца. В пути не причинять ущерба нашим подданным, ничего не трогать, кроме воды, дерева и травы. Позаботься, чтобы не было никаких упущений, поскольку ценишь нашу благосклонность».

О боевых порядках франков мало что известно с определенностью. Вероятно, прощупывание противника и первые стычки возлагались на пеших лучников, а решающий удар наносила всеми силами конница. Возможно, успеху скорее сопутствовали хорошая подготовка и вооружение войск и стратегическая проницательность Карла Великого, нежели тактическое мастерство. Основательность его завоеваний прежде всего обеспечивалась созданием системы укрепленных точек вдоль границ и в беспокойных районах, обычно на возвышенностях вблизи рек.

В IX в. в отсутствие знающих военное дело королей армия франков теряет свои положительные качества. Лев Мудрый следующим образом описывает особенности и слабости франков.

«Франки и ломбарды чрезмерно бесстрашны и дерзки. Самый незначительный отход назад считается позорным, и они будут драться, когда бы вы ни навязали им бой. Когда их рыцари оказываются вынужденными спешиться, они не бегут, а становятся спиной к спине и сражаются с намного превосходящими их силами противника. Атаки конницы до того страшны, что, если нет полной уверенности в своем превосходстве, лучше всего уклониться от решительного сражения. Следует воспользоваться отсутствием у них дисциплины и организованности. И в пешем строю, и верхом они нападают плотной неповоротливой массой, неспособной маневрировать, потому что не организованы и не обучены. Они быстро приходят в замешательство, если их неожиданно атакуют с тыла или с флангов – этого легко достичь, поскольку они чрезвычайно беспечны и не заботятся выставлять дозоры и проводить надлежащую разведку местности. К тому же они становятся лагерем как придется и не делают укреплений, так что ночью их можно без труда перебить. Они не переносят голода и жажды и через несколько дней лишений покидают строй. У них нет уважения к своим командирам, а их начальники не могут устоять перед соблазном взяток. Поэтому в целом легче и дешевле изматывать франкскую армию мелкими

стычками, затяжными операциями в безлюдных местностях, перерезая линии снабжения, нежели пытаться покончить с ними одним ударом».

Империя Карла Великого начала распадаться вскоре после его смерти из-за слабости власти и набегов сразу с трех направлений на протяжении IX и X вв. – арабов, мадьяр и викингов. Самая большая угроза для Европы теперь исходила от скандинавских викингов.

Вторжения викингов, или скандинавов, начались в конце VIII в. Поначалу набеги, которые имели место по всей Европе, совершались, как представляется, главным образом с целью разграбления, но позднее многие завоеватели оседали на захваченных ими землях. В 911 г. король франков уступил им землю, которую позднее назвали Нормандией, а в конечном счете частью Скандинавской империи датского короля Кнуда (995 – 1035) стала вся Англия. Тем временем викинги также вторгались в Исландию, Гренландию и Америку, в Испанию, Марокко и Италию, в Новгород, Киев и Византию.

Сила викингов заключалась в их мореходном искусстве. Их суда находились на уровне самых высоких технических достижений и были предметом их величайшей гордости, а сами они были весьма искусными и выносливыми мореходами. Найденный в раскопках «гокстадский корабль» 70 футов длиной и 16 футов шириной построен из дуба и весит 20 тонн. Конструкция его самая совершенная. При дальних переходах викинги шли под парусом, но в бою пользовались веслами. Вдоль бортов вперемежку вывешивались желтые и черные щиты. К X в. суда стали значительно больше в размерах, некоторые из них вмещали до двухсот человек и могли за день пройти под парусом 150 миль. Провиант сохранялся с помощью соли и льда.

Морские сражения викинги всегда вели вблизи берегов. Обычно они состояли из трех этапов. Сначала командир проводил рекогносцировку и выбирал позицию для начала атаки, затем, маневрируя, начинал сближение. Во время боя капитан всегда стоял за рулем. Когда флотилии сходились, начинался обстрел, обычно противника осыпали градом стрел, но иногда просто забрасывали кусками железа и камнями. И наконец, викинги шли на абордаж, и исход боя решался рукопашной схваткой.

После этого флот оставался оперативной базой набегов в глубь территории. Обычно викинги продвигались вверх по течению важных водных путей, минуя сельскую местность и разграбляя монастыри и города по обоим берегам. Они продвигались вверх, пока река оставалась судоходной или пока не встречали фортификационных сооружений, препятствующих дальнейшему продвижению. Тогда они вставали на якорь или выволакивали суда на берег, огораживали частоколом и оставляли охрану, после чего принимались грабить окрестности. Поначалу при появлении неприятельских войск они возвращались на суда и спускались вниз по течению. Позже стали смелее. Но поскольку их силы были немногочисленными и главной целью были грабежи, они избегали крупных сражений. Со временем они стали строить укрепленные пункты, куда часто возвращались. Эти обнесенные частоколом и рвами прибрежные, а то и плавучие лагеря, защищавшиеся вооруженными боевыми топорами викингов, было крайне трудно захватить.

Начиная вторжения, викинги, вероятно, были плохо вооружены. Одной из главных целей их грабежей была добыча оружия и доспехов, и к середине IX в. они захватили множество того и другого, и к тому же сами освоили их производство. Почти у всех викингов имелись кольчуги, в других отношениях их доспехи походили на франкские. Сначала деревянные щиты были круглыми, но позднее приобрели форму бумажных змеев и часто раскрашивались в яркие цвета. Могучим наступательным оружием был боевой топор. Это не был легкий томагавк франков, он представлял собой мощное боевое средство – тяжелый обух и лопасть из одного куска железа, насаженные на топорище длиной в пять футов. Иногда

на лопасти наносили отрывки из рун. Кроме того, викинги пользовались короткими и длинными мечами, копьями, большими луками и стрелами.

Викинги были главным образом пешими воинами – предпочитали применять свои большие топоры в пешем строю. Подвижность на суше достигалась благодаря использованию в транспортных целях захваченных в округе лошадей. Самым излюбленным боевым порядком была сплошная стена из щитов, такая тактика по необходимости была оборонительной, потому что им в пешем строю приходилось противостоять коннице. Обычно местом боя они избирали свой лагерь, противоположный берег реки или крутой склон холма. Будучи профессиональными воинами, чувствующими плечо товарища по оружию, они всегда брали верх над противостоящими им набранными в спешке сельскими жителями. Все викинги отличались ростом и обладали исключительной физической силой. В их рядах было два особенно устрашающих вида воинов. К первому относились берсерки, которые, как ни удивительно, по-видимому, принадлежали к разряду особо отобранных безумцев, отличающихся необыкновенной силой и свирепостью. Другими, что в равной мере удивительно, были «девы со щитом»; к ним принадлежала Вебьорг, которая «сразилась с чемпионом Сокнарсоти. Она нанесла ему мощные удары, дав пощечину, раскроила челюсть. Тот, чтобы уберечься, забрал в рот бороду. Вебьорг совершила множество великих подвигов, (но) в конце концов пала, покрытая множеством ран».

К концу IX столетия франки и англичане начали приспосабливаться к тактике викингов. В предшествовавшие годы хаоса феодализм развивался быстрыми темпами, и франки теперь могли собрать крупные силы боеспособной конницы. В 885 – 886 гг. Париж успешно выдержал крупную осаду викингов. А в Англии Альфред Великий (умер в 899 г.), чтобы остановить датских викингов, создал систему мощных укреплений. Однако вместо конницы он полагался на элитные войска тяжелой пехоты, которая проявила себя победами в Эшдауне и Эдингтоне. Он также в отличие от франков предпринял шаги к созданию мощного флота по образцу кораблей своих врагов – викингов. Со времен Альфреда и до середины XX в. Англия постоянно обладала могучими военно-морскими силами, на которые можно было положиться.

А аннексия Англии Кнудом в 1016 г. была событием политического, а не военного свойства. К тому времени в Западной Европе, наконец свободной от продолжавшихся 750 лет непрерывных варварских набегов, уже дышалось легче.

Глава 7

НОРМАННСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Викинги были пешими воинами, их потомки, норманны, стали самыми видными европейскими приверженцами тяжелой конницы и стратегической фортификации. Период высшей экспансии норманнов приходится на XI в., в XII она была закреплена. Объектами их господства стали две отдельные области – юг Италии и северо-запад Европы. Норманны вдохнули в Европу энергию и играли ведущую роль в движении, выразившем возрожденную жизнеспособность Европы, – в крестовых походах. Как представлялось Вильгельму Малмсберийскому, «это народ, возвращенный на войне, без нее едва ли сможет прожить».

Для меня эта частица нашей истории содержит много интересного, потому что мой род берет свое начало в Нормандии. В Фалезе, почетным гражданином которого я являюсь, множество памятных мест, связанных с фамилией Монтгомери. Роджер Монтгомери, кузен Вильгельма Завоевателя, сражался на правом фланге его армии в битве при Гастингсе. Мой старый противник Роммель был ранен во время битвы за Нормандию (1944 г.), что вывело его из строя, в деревне Сте-Фой-де-Монтгомери близ Лизье – где сам я командовал армией, наступавшей в направлении, противоположном движению армии, которой в свое время командовал герцог Вильгельм.

Сбалансированные, состоящие из всех родов войск армии, подобные армиям Восточной Римской империи, были несовместимы с феодальным строем. После разгрома вооруженных боевыми топорами англосаксонских воинов в XI в. при Гастингсе и до возрождения швейцарской и английской пехоты в XIV идеальным воином, на котором держалась армия, был рыцарь-всадник. Мы увидим, что армии крестоносцев отличались от феодального войска тем, что в них было много волонтеров. Кроме того, из-за смешения рас и мелкого соперничества и трений между их предводителями они были менее сплоченными. Операции крестоносцев не вызвали во мне особого восторга.

Действия норманнских искателей приключений в Средиземноморье были дерзкими и блестящими по замыслу, но успехи были недолговечными, и нехватка места не позволяет остановиться на них подробнее. Другим великим завоеванием норманнов в XI в. стала Англия. В 1066 г., в год вторжения и победы при Гастингсе, герцог Вильгельм Нормандский правил у себя уже 31 год. Подавление мятежей баронов и покорение Мена уже создали ему репутацию способного полководца, умелого тактика и еще более изобретательного в области стратегии и военных хитростей, а также дальновидного, настойчивого и властного правителя. Поход Вильгельма на Англию не был налетом под влиянием минуты – он был задолго продуманным и хорошо осуществленным наступлением с целью территориального захвата.

В 1066 г. национальный совет избрал королем графа Уэссекского Гарольда. Но Гарольд не обладал качествами национального лидера, к тому же у Вильгельма теоретически были не меньшие права на престол. Вильгельм переправился через Ла-Манш в сентябре, после восьми месяцев интенсивной пропаганды и тщательной подготовки. В тот год Гарольду пришлось иметь дело не только с норманнским нашествием, существовала также угроза с севера. Брат Гарольда Тостиг вступил в союз с королем Норвегии Гарольдом Хардрадой, и не исключалась возможность норвежского вторжения. Гарольд считал, что угроза Вильгельма была наиболее серьезной из двух, так что он собрал скудные военно-морские силы королевства и в течение июня, июля и августа патрулировал Ла-Манш между Дувром и островом Уайт. Одновременно он приказал графам и шерифам держать ополчение королевства – фирд, в готовности к немедленной мобилизации.

Фирд был главной силой английской армии и набирался по принципу один человек с каждых 600 акров, но мог быть набран лишь на два месяца службы. Была еще одна категория бойцов – таны, их положение было выше свободных крестьян, но ниже аристократии, и они служили непосредственно королю. Английская армия была пешей, воины были вооружены копьями, дротиками, обоюдоострыми мечами и тяжелыми датскими боевыми топорами. Щиты были круглыми или в форме бумажного змея. Все, кто побогаче, имели металлические шлемы и кольчуги. У короля был отряд личных телохранителей-профессионалов, который летом 1066 г. находился с ним в Сассексе.

Критический момент наступил в самое неподходящее для Гарольда время. 8 сентября у английского флота кончились припасы и он был вынужден вернуться в Лондон для их пополнения и ремонта. Через неделю после того, как флот покинул свою вахту в Ла-Манше, до Гарольда дошло сообщение, что у Йоркширского побережья появились 300 норвежских кораблей и что Кливленд и Скарборо оказались в руках захватчиков. Гарольд решил оставить южное побережье незащищенным и спешно перебросил свои войска на север. По пути он узнал, что главы северных графств Эдвин и Мор кар потерпели поражение в решительном сражении у Фулфорда, близ Йорка, который вот-вот сдастся. Он подоспел вовремя, чтобы предотвратить катастрофу, и днем 25 сентября у Стамфордского моста вступил с норвежцами в сражение. Здесь английские таны одержали крупнейшую победу, Хардрада и Тостиг погибли, а их войска были полностью разгромлены – лишь небольшое количество бежало морем.

28 сентября Вильгельм Нормандский со своей армией высадился на южном побережье, не встретив сопротивления. В тот день Гарольд со своей армией отдыхал в Йорке, в 250 милях, празднуя победу над скандинавами.

Начиная с января Вильгельм усиленно готовился к вторжению в Англию. Во-первых, надо было собрать армию; во-вторых, обрести флот по крайней мере из 450 транспортных судов. В сильном нормандском государстве феодальные обязательства были четко определены. Все бароны и епископы получали от герцога землю на условии, что они будут содержать определенное число находившихся на службе герцога рыцарей, или тяжеловооруженных всадников. Рыцарь был защищен длинной кольчугой, островерхим или конической формы шлемом с защищавшей нос пластинкой и щитом, обычно круглым или формы бумажного змея и высотой 3 – 4 фута. Главным оружием рыцаря было копье длиной 8 – 9 футов. Средневековый меч в основном не изменялся лет четыреста – обоюдоострый, заостренный к концу, около 44 дюймов от головки рукояти до кончика. К седлу обычно подвешивался широкий боевой топор или окованная железом булава.

Феодальный обычай ограничивал рыцарскую службу сорока днями в пределах герцогства, и в соответствии с этим принципом у Вильгельма было недостаточно сил для завоевания чужой страны. Однако большинство баронов выражали желание идти с ним. При молчаливом попустительстве папы такое завоевание обширной и, по общему мнению, богатой Англии было соблазнительным, особенно для полного сил народа, уже испытывающего экономические последствия быстрого роста населения. Так что Вильгельм заполучил волонтеров и наемников не только из Нормандии, но и со всех частей Франции и из других стран. Он набрал от двух до трех тысяч рыцарей, из них по крайней мере 1200 норманнов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.